

Елена Звёздная

Подстава

Пролог

Взгляд из-под ресниц, быстрый, едва заметный, и я уловила улыбку, промелькнувшую, на губах тайрема в черном офицерском костюме космического флота. Хорош, сволочь. Глубоко-посаженные глаза неуловимо-темного цвета, смуглая кожа, тонкие черты лица, нос крупноват, да и форма горбатая ломаная хищная, но зато плечи не в полтора метра шириной, как у остальных забредших в эту низкопробную забегаловку офицеров. Нет, этот конкретный на их фоне казался стройным юношей, хотя... я бы сказала, что он старше всех своих спутников.

Осторожно скосила глаза к двери — там, скрытый полумраком стоял Боров, у стойки с выпивкой изображал пьяного Стэм, за соседним с моим столиком сидели и пили воду, под видом водки, Нир, Эвин и Шорох. Да, сегодня работаем вшестером, потому как задание не из простых.

Вновь бросаю взгляд на тайрема, замечаю, что он с интересом поглядывает в мою сторону- и изображаю обольстительную улыбку, после будто невзначай поправляю молнию на декольте, чей вырез давно вышел за пределы разумного. И снова взгляд на офицера — мужчина теперь смотрел пристально, уже не изображая равнодушие.

Рыбка клюнула.

Торопливо опускаю глаза, касаюсь пальцами высокого бокала с коктейлем, касаюсь характерно для... для жрицы любви. Что поделаешь, это оказалось единственным способом привлечь внимание хоть кого-то из тайремов. В результате я, офицер разведки Гаэры, во-первых, накрашена. На моей памяти впервые в жизни. Во-вторых, сменила спортивное белье, на кружевное.

Шорох угорал, когда мне его в магазине робот-консультант впаривал. В-третьих, надела платье. Отвратительное алое кожаное платье, в котором продохнуть оказалось непросто. А после засела здесь, на потасканном диванчике в самом освещенном месте забегаловки, в ожидании... клиента.

Собственно, я имела успех. Еще бы его не иметь — Боров перекинулся парой слов с местными сутенерами и сегодня в «Третьей груди» из всех представительниц древнейшей профессии в распоряжении тайремов имелась одна я. И только я.

Должно сработать!

Потому что мне позарез нужна инфа по новым открытым тайремами планетам, иначе о повышении можно забыть, и замом Бадера станет Хам.

Справа осторожно подошел местный бармен, поклонился, заикаясь, спросил:

— Дддама желает еще вввыпить?

Сломала ему всего один палец, а трясется до сих пор как баба, смотреть противно.

— Да, — продолжая обольстительно улыбаться всему миру, томно ответила я, погладив ложбинку на груди, — желает...

И еще один взгляд па тайрема, чтобы заметить, что наблюдает за мной вся их группа. Опять же — не удивлена, эти женщин любят, потому мы и выбрали подобную тактику.

Вернулся бармен, поставил передо мной новый стакан, и я, не задумываясь, потянулась, взяла, присосалась к трубочке, потягивая вкусняшку, и вспоминая все те планы по захвату тайремского офицера, которые потерпели фиаско.

Глава 1

Способ первый — авария.

Мы находились на Франциске, третьеразрядной планетке, где даже не на всех дорогах имелись камеры наблюдения, и потому самым первым планом был таков — тайрем, причем на не важно какой, нужен был просто кто-то их офицеров, летит себе по дороге. Из перекрестка слева вылетает Шорох, сносит катер на вторую полосу, где я блокирую вылет, Боров оглушает офицера из эйшки, Стен взламывает катер, мы забираем добычу.

План был идеален, особенно если учесть что Нир и Эвин перехватили управление светофорами, и заблокировали полицейские частоты. И катер с характерной тайремской руной мы вели от самого вылета из космопорта. Все было рассчитано, выверено, продумано. Все, кроме того, что хренов тайремский офицер окажется настоящим гонщиком! Да что там настоящим — фанатичным! Придурок избежал столкновения с Шорохом, перелетел через меня, в Борова выстрелил первым, и наш снайпер потом часа четыре имбицила слюнявого изображал. А тайрем улетел, взял и улетел, сломав катер Стену напоследок.

Тварь! Жаль в шлеме был, я рожу не разглядела, а хотелось бы!

Мы тогда едва успели убраться, как примчалась полиция. Хорошо хоть катера для спецоперации мы банально угнали у владельцев, так что от преследования удалось уйти, а после еще двое суток изображать обыкновенных туристов, гуляющих по достопримечательностям Франциски.

Второй попыткой захватить «языка», стало четко выверенная операция в космопорту. Да, мы решили действовать грубо — тайремы как раз грузили корабль, с материка приходили контейнеры с продовольствием, медикаментами, оружием. Причем двое офицеров курировали погрузку, так что мы решили действовать. Все было продумано идеально — мы закупили два контейнера с замороженным мясом, приехали в космопорт, я сидела за штурвалом грузового катера. Шорох и Стен взялись управлять погрузчиками, и в подходящий момент один из погрузчиков должен было «случайно» смахнуть ближайшего офицера в заготовленный отсек контейнера.

И вот когда мясо было почти выгружено, а Стен невзначай подбирался к здоровенному тайрему, появился третий офицер. В шлеме, тренировочном костюме и с легким мечом! Световым.

Урод! Заявился, и давай спорить с тем самым офицером, на которого мы уже нацелились, что сумеет выиграть у него. И эти двое великовозрастных придурков, забрав у Стема и Шороха пульты управления, вручили погрузчикам по мечу, и устроили дуэль. И посмотреть на это дело сбежалось столько офицеров, что ими можно было загрузить контейнер под завязку, вот только грузить было нечем! Тайремы, твари, посильнее быка трехлетнего будут, без погрузчика тут не справишься, но... Но у роботов имелся бой, и потому, когда Стен и Шорох закончили разгрузку вручную, нам пришлось, скрипя зубами, уехать. Слыша позади «4:2 Эрих ведет!». Ненавижу!

Мы сутки пили в моем номере гостиницы. Сидели и пили. Водку. Стаканами. И никто даже не захмелел!

На рассвете я встала, сняла халат, под которым с вечера были майка и шорты, и пошла тренироваться, а Боров вдруг заметил:

— Кэп, у вас грудь есть.

Я остановилась.

— И талия, — заметил Шорох.

— А волосы распустите? — предложил Нир.

На все это я мрачно ответила:

— Валите по бабам, придурки.

И тут у Эвина в глазах что-то такое промелькнуло. И Боров тоже как-то странно на меня посмотрел, а Стэм сказал:

— Пабам... вали по бабам...

— Точно, — протянул Шорох.

— Таки ужрались, — решила я.

Но мужики выглядели уставшими, злыми, но никак не пьяными.

— Эти отрывки генератора, по вечерам по бабам шляются, — Шорох пристально на меня посмотрел.

— Точняк. — Боров налил себе еще стакан водяры.

Я оценила идею, прислонившись к косяку плечом, сложила руки на груди и сразу начала с рисков:

— Ни одна шлюха на подставу не пойдет, слишком трусливые.

Плюс вколоть наркотик не сумеет, да и дозировку придется рассчитывать, сами понимаете — следы оставлять нельзя.

Мужики покивали, как-то странно поглядывая на меня.

Нет, сама идея была очень даже — действительно тайремские офицеры по вечерам предвкушающей толпой вываливались в город, кутили до рассвета, после возвращались на корабль. Все так, но — кутили они компаниями, возвращались все вместе, и да — ни один бордель не пойдет против тайремов. Слишком хорошо знают, что эти ошибки космоса за своих мстят до последнего, вон на Хериме половину местного населения вырезали из мести, так что...

Нет, пролет, мы и так старались действовать максимально обособленно, чтобы не подставлять власти планеты.

— Шлюхи не вариант, — пришла я к неутешительным выводам, — мы не найдем ни одну, которая согласится работать на нас.

— Кэп, — Стен странно на меня поглядел, — вы бы подошли к зеркалу, а?

Обычно Стен молчалив, и говорит только по делу. Наверное, именно поэтому, я, пожав плечами, отошла от двери и подошла к зеркалу. Да, видок у меня еще тот — волосы растрепались, две русые пряди на лице, под глазами синяки, зато в цвет радужки, та тоже темно-синяя, морда помятая... рот припухший. Губы я искусала вчера, пока наблюдала за «дуэлью», чтоб ее.

— А фигурка ничего так, кэп, — заметил вдруг Шорох.

— Да, без броника вы очень даже, — добавил Боров.

— Я б вас снял, — произнес невероятное Эвин.

— Причем за дорого, — поддержал бред друга Нир.

— И дозировку вы сможете рассчитать верно, — пояснил для меня всю ситуацию Стэм.

Медленно развернувшись, в недоумении посмотрела на свою команду. Мужики смотрели прямо, ну и чуть ниже, не туда где глаза, и собственно намек я осознала. И вот точно послала бы всех в космос без скафандров, но Стэм сказал верно — дозировку рассчитаю только я.

— Так, — недовольно поморщившись, я смирилась с ситуацией. — Работаем, парни.

Они закивали, пытаясь сдержать улыбки. Больше всех скалился Шорох, за что и получил:

— Ржать будешь в магазине женского белья. Встал и пошел.

Улыбка нашего пилота померкла, но было поздно — и вообще грозен я в гневе.

— Стэм, просчитай вероятности, подбери забегаловку. Эвин, Нир, перехватить все каналы видеонаблюдения в секторе. Боров, — глянула на снайпера, — если уж я буду шлюхой, я должна быть единственной шлюхой.

— А подозрений подобный расклад не вызовет? — хмыкнул он.

— А иначе на меня ни один тайрем не клонет, — припечатала я. Мужики обменялись странными взглядами.

— Зря вы так, кэп, — укоризненно сказал Шорох. — Красивая вы ба...

— А ты вообще пасть закрыл, — и это еще ласково, говорю же — грозен я, — и отрывай зад от дивана, пошли шлюховское снаряжение брать.

Снаряженице мы подобрали славное — босоножки на высоченном остром каблуке. Шороху другие понравились, но я пришла в восторг именно от длины и остроты каблука на железной основе, черное кружевное белье выбирали долго. Робот твердил про глубину чашки и косточки, которые «сделают ваши формы соблазнительными», я же ориентировалась на эластичность лямок, чтобы их

в случае необходимости для связывания тайрема использовать можно было. С трусиками не заморачивалась. Шорох сам выбрал, а меня такие вещи не интересуют. Зато с чулками возилась долго — перервала пар семь, прежде, чем обнаружила марку, которая отвечала за прочность изделий. В итоге взяла чулки, которые не только я, но и Шорох порвать не смог. Шикарно прибарахлились.

Потом наступил ад.

— Кэп, вам боевая раскраска нужна, — сообщил Шорох, невзначай подталкивая к стеклянной двери, над которой сияла вывеска «Салон красоты Гламурная Куропатка».

Нет, я бы не пошла, с боевым раскрасом у меня все в норме, хотя маскировочный получается лучше, но у Шороха рост два метра и габариты высокооплачиваемого вышибалы, так что в дверь он меня втолкнул, невзирая на сопротивление, чем прервал мой одухотворенный монолог, про то, что чулки все же нужно запрещать, так как фактически это холодное оружие.

Внутри «Гламурной куропатки» меня ожидали пытки.

Действительно пытки! Я стерпела все, только решив воспринимать происходящее, как очередную тренировку. Правда депиляцию интимных мест в качестве пытки не применяют даже в Хазреге, заменяя чем-то более милосердным, вроде вырывания ногтей, но я мужественно стерпела. Хотелось бы разшвырять всех гламурных куриц, но на соседнем столе лежала тощая жрица любви и стоически все терпела, так что мне вопить стало невообразимым образом стыдно.

На антицеллюлитном массаже стыд закончился, я прокляла всех на двадцати четырех языках прежде, чем поняла — это еще было начало, далее последовал скраб...

Из кабинета гламурно куропаточного косметолога я выходила враскорячку, чувствуя себя общипанной курицей. Шорох, сидящий в кресле для посетителей, отложил какой-то модный девчачий журнал и участливо предложил:

— Водочки?

— У... у... убью! — только и смогла сказать я, так как из-за маски всю кожу на лице стянуло.

— Травы на Франциске нет, кэп, — расстроился мой подчиненный.

— У... у...уюрю! — да, когда я зол, я многословен.

Жаль, степени моей ярости не оценил никто — очередная огламуренная куропатка подлетела, уволокла и усадила в кресло перед зеркалом. Прямо на депелированные места! Я взвыла! Я бы заорала, но рот в минеральной маске не раскрывался достаточно, пришлось ограничиться воем.

— Какие роскошные волосы, — пропела куропатка, с ресницами как у оленя — насилие над природой, вот что такое ее ресницы, — давно стригли?

Задумалась. Не вспомнила. Наверное, не стригла с тех пор, как перешла на штабную работу... лет пять уже.

— Ну, ничего, мы сейчас просто длина, подравняем и укладку сделаем, — пела «куропатка».

Мне больно сидеть было, а еще я поняла, что Шорох — падла!

Когда я выползла из куропатки, оказалась в гламуре. Сплошном. Все мужики встречные оценили мою перекошенную от радости рожу.

— Да расслабься, кэп, — Шорох одобрительно потрепал по плечу, — вы вообще красотка, должен признать.

— Сдохни, — мрачно пожелала я.

Один из пролетающих мимо катеров, с неожиданно затонированными стеклами, резко притормозил. Бросила на него злой взгляд — обычно после такого сваливают все, этот остался висеть.

— Слушай, у тебя пушка с собой? — поинтересовалась у Шороха.

Он усмехнулся, взял меня за плечи, и повел вперед, радостно насвистывая.

— Было бы чему радоваться, — прошипела злая я.

— Да ладно, впервые с такой красоткой иду, мне все завидуют.

— Урою.

— Нет, кэп, вы правда красотка, пока рот не откроете, — заметил мой подчиненный.

— Да, я такая, — с ходу успокоилась. — Граблю убрал!

Убрал.

Я оглянулась — тонированный катер медленно набирал высоту. Местный мачо? Жаль, не вылез, я бы хоть на нем злость сорвала.

В гостиничном номере я за час научилась ходить на высоких каблуках — ничего сложного, на ходулях куда как поопаснее будет. Ходила я, облачившись в нижнее белье, причем лиф меня более чем устраивал — тонкие шелковые ляпочки были способны удушить даже киборга, ну и чулки с трусиками я надела так же, а вот платье бесило, так что я пока обходилась без него.

Начальство позвонило, когда я уже свыклась с убийственно классным каблуком. Держа спину и шагая так, чтобы практически не сгибать ног у колена, подошла к экрану, подключилась.

В следующее мгновение увидела округлившиеся глаза генерала Бадера, который явно испытал неожиданной приступ жажды.

— Похмелье? — сходу догадалась я.

Генерал гулко сглотнул, не отрывая взгляда от моего бюстгалтера.

— Да, кайф, — я усмехнулась, — шелк повышенной прочности, практически не рвется, душит не хуже, чем шелковый шнурок. Но чулки круче.

Бадер медленно перевел взгляд, и его закаленное ветрами сотни планет лицо, внезапно приобрело багровый оттенок.

— Э, генерал! — встревожилась я. — Генерал, вы как вообще? Сдавленно прохрипев, Бадер выдал сипло:

— Сердце...

И повалился, скрываясь от меня за столом. В управлении взревела сирена, вбежал секретарь генерала, и адъютант, и даже капитан Реге, по прозвищу Хам. И вот там, под столом, корчится от сердечного приступа генерал, а эти трое встали, уставившись на меня, и стоят.

— Хам, — не выдержала я, — это ты ждешь, пока начальство удар хватит, а? Медиков вызывай, мусорное ископаемое!

Мы с Хамом не дружим с первого дня встречи, но откровенно враждуем с момента, когда он звание быстрее меня получил.

— Ну, Мегера, — неожиданно хрипло произнес он, — удар ниже пояса...

Я внимательно на него посмотрела. Кто-кто, а Хам у меня не раз и даже не два по нежному месту получал, разок даже госпиталь после очередной стычки отправился. Потрясное было времечко.

— Ты бы оделась, — продолжил капитан Реге, с каким-то явным неудовольствием поглядывая.

— Не надо, я в порядке, — раздалось из-под стола, и Бадер, наконец выполз.

Глянул на меня, опять побагровел, и сдавленно прохрипел:

— Или нет...

Реге отвернулся, глянул на секретаря и адъютанта, те стушевались, извинились, и покинули кабинет генерала. Бадер же дышал, тяжело и напряженно.

— Оденсья, я сказал! — внезапно рыкнул Реге.

— Охренел, отход атомного двигателя? — удивилась я.

Нет, все понимаю, но Хам вообще имел привычку вваливаться в мой кабинет в одних брюках, и присаживаясь на край моего стола своим накаченным задом, умудрялся между обменом колкостями еще и прессом поигрывать.

— Мегера! — взбесился вдруг он.

— Хам, свалил из кабинета начальства, рвотный рефлекс орангутанга! Меня вообще по делу вызвали.

И тут Бадер, который дрожащими руками держал стакан и пил отнюдь не воду, вдруг очнулся и произнес:

— Да-да, капитан Рего, покиньте мой кабинет, у нас с капитаном Элис приватный тан... э... разговор. Свободны.

Хам был в бешенстве, но кратко поклонившись генералу, бросил на меня убийственный взгляд, развернулся и вышел. И когда за ним закрылась дверь, Бадер подключился к защищенному, даже от спецов управления каналу, и прямо спросил:

— Это что за вид?!

— А на что похоже? — усмехнулась в ответ.

— На наряд шлюхи, — Бадер всегда называл вещи своими именами, за что я его и уважала.

— Зрите в корень, генерал.

Гулко сглотнув, начальство откинулось на спинку кресла, побарабанило по столу тремя из пяти пальцев, два ему в Лосской компании оторвало, а импланты так и не прижились. После Бадер произнес:

— Значит провал?

— Вы же в курсе, мы всегда выполняем задание, — немного обиделась я.

— В курсе, — Бадер кивнул, — поэтому тебя и отправил. Но, Мегера, ты...

Умолк, глядя в стол перед собой.

— Ну, я Мегера, дальше? — не люблю ждать, просто терпеть не могу.

— Почему ты? — хрипло спросил Бадер.

Пожав плечами, прямо спросила:

— Шорох в этом смотрелся бы лучше, да?

Генерал хмыкнул.

Подумал, затем неожиданно попросил:

— Будь осторожна.

Чуть не свалилась с каблуков! Бадер беспокоится?! За меня? Бадер?! У генерала была кличка Зверюга и непрерывный поток кадров, которые сбегали от руководства, ценящего их жизни примерно как ценит фермер очередного заползшего на поле таракана. Не удивительно, что задумавшись о карьерном росте, я рванула именно к Бадеру. Не прогадала — дослужиться до капитана за четыре года, это очень круто. Вот только Хам звание получил на год раньше, притом, что пришли мы одновременно.

— Вывезти с Франциски сможете? — вернулся к деловому тону генерал.

— Элементарно, — задумчиво ответила я.

— Кто вас прикроет? — наши методы Бадер знал.

— Пираты, — я не стала скрывать от начальства использование запрещенных методов.

— По собственной инициативе? — не поверил он.

— Нет, конечно, это же пираты, — я улыбнулась.

— Так, понимаю, вы на пиратском катере?

— Да, угнали в Нельском поясе астероидов, доки так же их, — я переступила с ноги на ногу, привыкая к смещению центра тяжести.

— Шикарно выглядишь, — похвалил Бадер.

Позволив каблукам заскользнуть по плитке, медленно села на шпагат, потянулась к одной ноге, ко второй, снимая напряжение с поясницы. Нет, терпеть можно было, но какой смысл.

— Если провалитесь, улетаете, — внезапно приказал Бадер. — Сваливаете и без слов.

— Да, сейчас! — возмутилась я.

— Улетаете, Мегера, это приказ! — а приказывать генерал умел, я даже обратно поднялась и встала перед экраном.

Бадер кивнул мне, и отключился.

Своим парням не сказала ничего. Не видела смысла. Мы возьмем тайрема во что бы то не стало. Возьмем, допросим, перекачаем инфу по его генетическому коду, в идеале получим доступ ко всем знаниям, а утром вернем в целостности и сохранности, со следами излишнего употребления алкоголя. Я не хотела подставлять планету. Нет, Франциска не относилась к территориям подчиненным Гаэре, но все же — мне было бы неприятно знать, что из-за нас пострадает кто-то невиновный. Хотя на невиновных мы в конечном итоге и скинем все концы, но пиратов не жалко, не тот контингент.

Хмель неожиданно ударил в голову. Недоуменно посмотрела на бокал, и поняла — я такое не заказывала. Поиск глазами бармена, поманила пальцем, надеясь, что моя улыбка сейчас не напоминает оскал, и едва вздрагивающий парнишка приблизился, прямо спросила:

— Че за хрень?

Задрожав всем телом, бармен поклонился и пробормотал:

— Вввам презент, от... от... от того столика, — и кивком головы указал на сообщество тайремских офицеров, которые все как один сейчас уставились на меня. И улыбался только носатый, остальные жадно пожирали меня глазами.

Продолжаю улыбаться, носатого тайрема вовсе одарила поощрительной улыбкой, минут двадцать в туалете тренировалась, после стараясь не срываться на шипение, спросила:

— Что в бокале?

Голова, внезапно, напала кружиться сильнее.

— Самый дорогой коктейль «Секс в космосе», — отчитался бармен. Мило улыбнулась ему, придурку, и ласково спросила:

— Пальцы еще болят?

Дернулся, побледнел.

— Свалил, дерьмо в катарсисе, и учти — когда все закончится, я тебе остальные... приголублю, мразь.

Все что я могу пить — водку. Ее хоть бутылками и не пьянею, годы обучения в военной академии закалили. Здесь же хрень какая-то, и у меня с пары глотков перед глазами все поплыло. Но все равно заметила, как споткнулся, торопливо уматывающий в сторону барной стойки, пацан.

А опьянение накатывало все сильнее...

Хрень!

Попыталась встать, собираясь сходить в туалет и вырвать всю эту гадость, и не смогла. Только поднявшись, рухнула на диван обратно — ноги не держали.

Хрень космическая!

Улыбку я теперь держала титаническим усилием воли, но держала. И похвалила себя за выдержку, когда к столику приблизилась мужская фигура. Внушительная, широкоплечая фигура тайремского офицера, вот только... не того. Мне бы носатого, он постройнее, на него дозировку рассчитать будет проще.

— Красотка, — одарил меня комплиментом офицер, — сколько?

С ужасом поняла, что говорит могу с трудом, и вообще с мозговым процессом возникли трудности, но все же вымолвила:

— Тридцать кредитов.

Стандартная цена за шлюхо-час на Франциске, Боров у сутенеров выяснил.

— Идет, — офицер протянул руку, — мы приглашаем вас за наш столик.

Стоп. Не по схеме. Не то и не так. Нахмурившись, несколько секунд смотрела на протянутую внушительную ладонь, затем подняла взгляд на тайрема, и уточнила:

— Тридцать за час с... одним. Обслуживать вас всех у меня... э... — хотелось выругаться, но я была не в курсе как ругаются шлюхи, — у меня... кровать сломается.

Офицер усмехнулся и сделал другое предложение:

— Пятьдесят за каждый час вашего общества за нашим столиком. Обещаем не приставать, и сами выберете с кем захотите... уединиться.

Щедрое предложение.

Я протянула свою руку, ее тут же обхватили и мне помогли встать. Хорошо, что помогли, сама я на ногах толком не держалась. Офицер же, проведя через зал, подвел меня к столику и с пафосом сообщил:

— Господа, позвольте представить вам... эээ...

— Мег... — начала я и запнулась. Имя по легенде было Розалин, но раз уж начала, будем выкручиваться: — Мегги.

Тайремов было шестеро, седьмой тот, что меня привел, и вот сидящие, подняв бокалы, провозгласили:

— За прекрасную Мегги!

И мне тоже протянули хрень какую-то, со словами:

— Присоединяйтесь к тосту.

Хотелось вылить придурку коктейль «Секс в космосе» прямо в его наглую рожу, но... но Боров предупредил — у шлюх договор с владельцами бара, и потоку они пьют дорогие коктейли до дна, чтобы им заказали еще. После получают процент с продаж. А этот космический секс здесь самый дорогой... Хрень!

Взяла стакан, отсалютовала присутствующим, махом выпила до дна.

Убойная гадость!

В голове зашумело еще до того, как последний глоток сделала, и стоять дальше мои ноги резко отказались.

— Какая-то слабенюкая она до выпивки, — прозвучало за столом, — шлюхи обычно глушат по решительней.

Прозвучало на тайремском, а не галактическом, посему сделала вид, что вообще не поняла ни слова.

— Она хоть сидеть сможет? — спросил офицер, приведший меня.

И вот тогда я услышала голос носатого:

— Это вряд ли, давай-ка ее мне.

И меня подвинули куда-то, от чего мир совершил скачок и начал шататься, а затем я оказалась сидящей на коленях у того самого носатого офицера, и несмотря на накотившее опьянение, возмутилась:

— Руки, убрал!

Улыбка сверкнула на смуглом лице, после чего меня усадили удобнее, обняли, попутно погладив все, что виднелось в декольте, и произнесли:

— Увеличиваю оплату вдвое. Так что не дергайся, куколка.

И на стол передо мной поставили очередную порцию проклятого секса с космосом. Плохо стало уже только от одного вида этой бадяги, но чтобы это еще и пить...

— За Мегги, — произнес офицер, держащий меня на руках И все подняли бокалы.

Едва не выругалась. Но продолжая улыбаться, взяла дрожащими пальцами стакан, подняла, присоединяясь к тосту, и... выпила, навеки возненавидев привкус маракуйи, лайма и синего арха с Негвои.

И меня можно было выносить!

Просто вот так вот взять и вынести и...

Поцелуй оказался полной неожиданностью и в первый момент с трудом сдержалась, чтобы не дать носатому индивиду в морду. Но уже через мгновение, желание убивать сволочугу отпало напрочь, пальцы скользнули по его плечу вверх, прикоснулись к шее тайрема, пробежались вверх, и ладонь прижалась к его гладко выбритой щеке.

— Как нежно, — прошептал он, оторвавшись от меня и заглянув в явно совершенно невменяемые глаза.

— Эм... — язык заплетался, особенно учитывая тот факт, что его только что довольно умело ласкали, — желание клиента... и... эээ... все такое.

У офицера оказалась запредельная, загадочная улыбка, и очень странный, крайне пронизательный взгляд, а еще мужик возбудился.

И сильно. Так что я планировала сейчас по-тихому утащить его наверх, в комнату для свиданий и...

— Адмирал, — раздался рядом голос того офицера, который меня к столу привел, — нам сообщили, что весь район накрыли хакеры. Полагаю, вам стоит вернуться на корабль.

Я протрезвела мгновенно! Адмирал! Проклятый ген, он адмирал! Хренов адмирал! Это совершенно иной уровень защиты, высших офицеров невозможно допрашивать! Черт! Черт! Черт! У меня пальцы похолодели.

— Как-то ваша девушка странно реагирует, — все так же на тайремском, которого я по идее нихрена не должна понимать, произнес офицер.

— Да, я заметил, — улыбнулся мне адмирал.

Целый хренов адмирал!

Черт!

— Ззнаете, — я попыталась сесть ровнее, и вообще приложила максимум усилий, чтобы язык не заплетался, — вы не в моем вкусе.

Одна бровь носатого тайрема медленно поползла вверх.

— Да, — подтвердила решительно. — Ваш этот, — указала на офицера, — сказал, что я могу выбрать, и я...

— Правда? — мне вовсе не понравились ни тон, ни улыбка тайрема.

— И кого бы ты предпочла, Мегги?

Опьянение стремительно покидало мое тело, и оглядев осмысленным взглядом присутствующих, я указала на более стройного из всех, со словами:

— Вот этого.

Офицеры как-то разом пить перестали, и теперь напряженно переводили взгляды с меня, на адмирала. А я осознала, насколько идиотка! Реально идиотка — при начальстве выбрать подчиненного, это надо мозги иметь высшей степени примитивности. А с другой стороны — шлюхам можно. А я сейчас кто? Правильно, мне все можно.

— Этот сильнее возбуждает, — протянула я, мило улыбаясь. Выбранный мной тайрем, почему-то стремительно побледнел. Адмирал, хмыкнул и протянул на тайремском:

— Какая строптивая... жрица продажной любви.

Остальные нервно заулыбались, я же повернувшись к нему, и изображая полное непонимание их языка, хлопая ресницами, спросила:

— Что?

И вздрогнула, едва тайрем улыбнулся. Это была нехорошая улыбка, насмешливая настолько, что выглядела почти издевательской, а после адмирал жестко произнес:

— Удовлетворяешь меня на коленях, и можешь катиться на все четыре стороны, Мег.

Приступ тошноты накатил неожиданно, и рвотный порыв я хоть и сдержала, но скрыть не сумела. Тайрем же, продолжая крепко удерживать, внезапно наклонился ко мне и тихо, очень тихо произнес:

— Ты не шлюха, девочка.

Произнес на своем языке. Затем улыбнулся и продолжил:

— Третья попытка, да, малыш?

Третья... Медленно прищурила глаза, и присмотрелась к этому... адмиралу.

Догадка поразила ударом молнии!

Комплекция этого кретина, идеально подходила тому недомерку, который сорвал нам похищение в космопорту, устроив дуэль роботов! И не веря собственным выводам, я шепотом спросила:

— Эрих?!

Улыбка адмирала стала запредельной, ладонь плавно двинулась вверх и сжала мою правую грудь.

— Какая приятная встреча, не правда ли, — протянул он.

Мило улыбнулась в ответ. Очень мило. Даже с нежностью и восхищением, потоку как не восхититься, откровенно говоря, было трудно. Да, так меня еще никто и никогда не обставлял.

— И гонщик тоже? — поинтересовалась я.

— Вам не повезло, — подтвердил носатый. — Будь на моем месте кто-либо иной... План сам по себе великолепен. Вам просто не повезло.

Да уж. Слов нет.

Длинные пальцы пробежались по краю моего декольте, то ли лаская, то ли намекая, на степень моих грядущих проблем. Как оказалось — второе.

— Ночь со мной, и я готов забыть об этом маленьком недоразумении, — сообщил мне адмирал вражеского флота.

— Любопытное предложение, — была вынуждена признать я.

— Лучшее в вашем положении, — жестко поставил перед фактом тайрем.

Улыбок больше не было. Намеков тоже. Меня действительно поставили перед фактом.

А с Мегерой так поступать лично я никому не советую!

Улыбнулась этой выжимке из урана, подняла руку, поправила растрепавшиеся после поцелуя волосы...

И подала сигнал Шороху.

Световая бомба взорвалась неожиданно для всех, кроме меня и моей команды. Затем следовало очередь дымовой шашки. Отсчитывая секунды, я оттолкнувшись от стола, швырнула тайрема на пол, оседлав в момент падения, чем усилила удар. Адмирал захрипел, попытался встать и получил по морде, одновременно с прогремевшим взрывом.

Второй удар в солнечное сплетение, нанесла практически на ощупь — в дыму вообще ничего видно не было. И когда адмирал застонал, склонилась к его уху и прошептала:

— На коленях можешь любить себя сам, ублюдок догадливый, долго, тщательно и старательно. И на будущее — не становись на моем пути, не люблю... умных.

Хриплый болезненный стон, но рывок и я оказалась схвачена ослепленным, оглушенным противником. Как он умудрился?! Как оказалось, тайрем был не из слабых. Еще рывок, и я была подмята мужским тяжеленным телом, а сама адмирал прижимая мои запястья к полу, наклонился и прохрипел:

— Я же тебя размажу, девочка.

Выверенный удар коленом в самое болезненное место, и когда тайрем захрипел уже от боли, я вывернулась, и перед тем, как вырубить его, с улыбочкой сообщила:

— Ручки короткие, Эрих. Коротенькие они у тебя, и слабенькие, придурок. И да, прости, малыш, но одного офицера я у тебя позаимствую. В воспитательных целях.

— Сука! — выругался адмирал.

Вообще я собиралась вырубить его ударом ноги по затылку, испытал все возможности железных каблучков, но... Даже не знаю, почему, вместо этого, перевернув его на спину ударом ноги, оседлала снова, наклонилась, и... не знаю, зачем поцеловала.

Хотела придушить, до потери сознания, и чулки по факту у меня были именно для этого, но шею в дыму пришлось находить на ощупь, а когда нашла, ладонь скользнула вверх, прижалась к гладко выбритой щеке и... Поддавшись какому-то странному порыву наклонилась, прижалась к его крепко сомкнутым губам, поцеловала и прошептала:

— Это тебе за коктейли, малыш.

Третий взрыв! На этот раз снесший противоположную стену и ставший сигналом. Достала фильтры, мгновенно вставила в ноздри, и все — газ для меня совершенно безвреден. Что ж, по правилам мне следовало лежать и не рыпаться до третьего взрыва, но мне понравилось, как... развлеклась.

— Прощай, — поднимаясь, сказала адмиралу.

— Найду, — уже осознав, что это за газ и стараясь не дышать, прохрипел тайрем.

Я молча прошла два шага в сторону, нагнулась, нащупала тайрема офицера, нанесла удар, лишая мужика сознания, и схватив за шиворот, поволокла к выходу. Через десять шагов меня нашел Боров, схватил офицера, перекинул через плечо, и мы покинули данное заведение.

Глава 2

Допрос завершили к рассвету, к тому моменту, как мы покинули Франциску, потому как оставаться на планете было бы глупо. И пришлось пожертвовать одной из спасательных пиратских капсул, чтобы доставить уже начавшего приходить в себя офицера обратно.

Мы же, кто систематизируя полученные данные, а кто и потягивая воды, ибо похмелье выдалось зверское, направились к астероидам.

Уже на подлете, на бортовой компьютер пришло неожиданное сообщение:

«С каких пор пираты столь милосердны?»

Мои мужики переглянулись, я же, потянувшись, отправила ответ: «Ты был так грозен, я испугалась».

Думала, на этом переписка завершится, в любом случае приказала Ниру отсечь комп спасательной капсулы от борта. Но еще до того, как Пир справился с заданием, пришло:

«На кого из капитанов работаешь?»

Стэм, прочитав, усмехнулся и сказал:

— Можем здорово подставить братство.

Кивнув, передала ему стакан с водой подержать, и отпечатаала:

«На того, с кем сплю».

«Сука!» — пришло в ответ.

«Как грубо, милый. Поцелуй не понравился? Или я была недостаточно нежна с тобой?»

Не помню, когда еще мне было так весело, особенно радовали вытянувшиеся лица моей команды.

«Я тебя найду» — пришло сообщение.

«Мм, как быстро?» — поинтересовалась я.

«Достаточно быстро!».

«Ммм, что ж, начну практиковать любовь на коленях ко всем окружающим. Обещаю, в совершенстве постичь данное искусство к твоему появлению, милый».

Мои мужики почему-то разом как-то напряглись, и вообще переглядываться начали.

— Даже не надейтесь! — рявкнула на них.

Ответ адмирала был неожиданным:

«Не смей!»

Давно я так не хохотала, даже голова перестала болеть. Отсмеявшись, послала:

«Удачной охоты, милый. P.S. Ушла тренироваться к встрече».

— Нир, вырубай, — скомандовала, едва сообщение отправилось.

И компьютер спасательной капсулы, которая находилась у тайремов, отсеки от системы. Я же в самом прекрасном настроении отправилась завтракать, а то утром не смогла — похмелье вещь страшная.

К ночи мы приземлились на астероид, где в анабиозе отдыхали двенадцать представителей братства, у которых мы и позаимствовали катер. И пока Мир и Эвин, доламывали бортовую систему их корабля, чтобы скрыть все следы нашего пользования летательным средством, мы с Боровом, Стэном и Шорохом таскали анабиозные капсулы, затем активировали систему пробуждения.

Далее по отработанной системе — три спасательные капсулы, купленные на Тамсе стартовали, и приземлились на астероиде втрое меньше пиратского. Едва оказавшись в собственном корабле, уничтожили капсулы. Следов мы не оставляли никогда.

Стартовали сразу, снимая маскировочный полог, и переходя в гипер режим.

Уже в полете избавились от собственной маскировки — мужики снимали гелевые наклейки, смывали краску с волос, сдувались перекаченные специальным солевым раствором плечи, мне было проще — снять линзы, смыть тоник с волос и маскировочный крем с лица.

Темно-зеленые глаза, бледная, почти белая кожа и иссиня черные волосы — да здравствую я.

Бесформенный серый костюм, высокие до колен черные сапоги, привычный бронник поверх мундира и образ был полным.

— Мегер, — в двери раздался осторожный стук. — Там Хам пытается выйти на связь.

— Пусть курит, — жестко ответила я. — По правилам никаких сеансов до места назначения.

— Понял.

Стам ушел, я же собрала в неаккуратный хвост волосы, потянулась и радостная отправилась в рубку.

Через шесть суток мы приземлились в космопорту Гаэры, два часа в дороге и Шорох галантно открыл дверь передо мной.

Когда поднимались на лифте в управление, Боров и Эвин пританцовывали в уличном стиле, я с трудом сохраняла привычное для себя мегерское выражение лица.

— Улыбаешься, — заметил Стэм.

— Еще бы, — весело ему подмигнула.

— Хам утретя, — хмыкнул Шорох.

— По полной, — подтвердила я, разворачиваясь к открывающимся дверям лифта.

По всему длинному коридору, со стеклянными стенами ведущими в кабинеты сотрудников, мы шли, гордо расправив плечи и с видом победителей.

Именно с таким видом и вошли в кабинет Бадера. После, парни остались стоять у дверей, а я, миновав ковер, подошла и гордо поставила храны на стол, перед генералом.

Руководитель разведслужбы Гаэры усмехнулся, затем открыл один из шкафчиков, молча достал шесть контрактов. Верхний протянул мне, остальные передал пачкой. Я отложила свой сразу, и просмотрела контракты моей команды — как и договаривались: увеличение оклада на тридцать процентов, повышение в звании для Эвина и Борова, а то в сержантах ходили оба, и распоряжение о новой квартире для Нира — у него второй ребенок родился, так что настоять на большей квартире для меня было делом чести.

— На твоём месте, Мегера, я бы на свой контракт посмотрел, — как-то странно произнес Бадер.

Бросив на него взгляд, раздала контракты мужикам, и только после этого взяла собственный. Что ж, и тут генерал полностью сдержал слово — Мелани Элис назначалась на должность заместителя генерала Него Бадера.

— А что тут смотреть? — я просияла. — Все как договаривались.

Генерал тяжело вздохнул, глянул на моих и приказал:

— Свободны.

Мужики, рывкнув «Так точно, генерал Бадер», развернулись и ушли. И едва за ними закрылась дверь, перед столом Бадера замерцало и материализовалось кресло.

— Садись, — кратко приказал генерал.

Заинтригованная подобным оборотом, безмолвно села, готовая внимать...

Услышала сказанное с тяжелым вздохом:

— Хам подал рапорт об отставке.

И взгляд, внимательный.

— Чего? — искренне удивилась. — Это все, что вы хотели сказать?

Генерал несколько смутился, чего за ним вообще обычно не водилось, и произнес:

— Да.

Аут. Поднявшись, я долбанула кресло ногой, и оно, замерцав, исчезло, а говорят техника не терпит грубости, после чего развернулась к Бадеру, развела руками, и спросила:

— Я тут причем? Увольняется?! Шикарно, заберем кабинет его подразделения, мне там вид из окон нравится больше. Еще вопросы?

Бадер медленно взял протянутые храны, достал из стола прозрачные пакетики, упаковал полученное, затем извлек чемодан, спрятал, после пристегнул себя к чемодану наручниками. Завершив с этим поднялся, и направляясь к выходу сказал:

— Присмотрись к капитану Рего, Мегера, мой тебе отеческий совет. Молча продемонстрировала его спине неприличный жест.

— Я все вижу.

— Нет, вы просто меня хорошо знаете, — понаглела я, но демонстрировать что-либо перестала.

— Новости просмотрю, тебе на рабочий стол скинул, — сказал генерал Бадер.

Обернулся, улыбнулся мне и ушел. Над дверью мигала красная лампочка — значит транспорт ему уже подали.

Что ж, вот и еще одно успешно завершённое дело.

Покинув начальственный кабинет, я помахивая договором, прошла мимо секретаря, махнув Слюнтяю в знак приветствия, и вошла в свой кабинет.

Первое, что меня встретило, был огромный букет алых роз.

Букет смотрелся до крайности нелепо в моем кабинете, где преобладали сталь и стекло. Черный стеклянный стол, железный сверкающий черный пол, черные стены покрытые стеклом, подсветка под потолком — синяя по кайме контура стен, холодная дневного света по остальному пространству, хромированные полки для десятка книг, пара фотографий и моя личная коллекция древнего оружия. Из общей композиции выбивались две вещи — черное кожаное кресло и черный же кожаный диван в углу, на котором я нередко ночевала.

Люблю свой кабинет и совершенно не люблю в нем цветы.

Дверь позади открылась, и, судя по бесшумности шагов, вошел Хам.

— Как вошел, так и вышел, — не оборачиваясь, потребовала я. — И да — веник свой тоже уволок.

Тишина, затем спокойное:

— Даже записку не читала?

— Нахрен? — грубо спросила я.

Пройдя к столу, швырнула договор, села в кресло, закинула обе ноги на столешницу, руки за голову, сцепив в замок, и торжествующе посмотрела на Хама. Кстати, кличка моих руте дело, потому как раньше Хам носил прозвище Мужик. Но это до того, как однажды после страстного поцелуя, от которого дрожали руки и не слушались ноги, я, тогда только-только начавшая работать в разведке и получившая свою первую команду, открыла комп и увидела сообщение от Нира. В сообщении было всего одно предложение: «Рега поспорил на вас с лейтенантом Кельмом». А в теме письма значилось: «Мне очень жаль, Мелани».

Наивная стажерка Мелани Элис по прозвищу Ласточка скончалась в агонии в ту же минуту. Она умирала болезненно и страшно, она гнила, от разрыва сердца... Она умерла. Родилась Мегера. В тот же вечер лейтенант Кельм ночевал в моей квартире, и даже в моей постели, и как это не удивительно — со мной. Точнее он спал, а я, используя собственную разработку, выкачивала правду из его мозга. Слово за словом, воспоминание за воспоминанием. К рассвету я знала все.

В восемь Бадер получил рапорт, в котором я отразила все откровения Кельма по поводу сотрудничества с Илонесом и про счета, имеющиеся в банках вне содружества, там было написано так же. Проигнорировать подобное генерал не смог — лейтенантом занялись спецы развед управления, и выяснилось, что полученная мной информация лишь жалкие крохи от общей картины. Кельма расстреляли за измену, и убийство трех сослуживцев.

А вот появившегося в моем тогда еще прозрачном кабинете Регу, ждал мало приятный сюрприз:

— Все кончено, — мне было больно, но в этом я не признавалась даже себе. — Свалил нахрен, отход свинофермы!

Оторопевший Рега попытался настоять, и получил сломанную гортань. При повторной попытке объяснить — два сломанных ребра. Третья уложила его в госпиталь на неделю. Потом Боров сжалился, и объяснил мужику, в чем тот не прав. И вот у любого другого совесть бы проснулась, а этот ко мне заявился и сказал:

— Мне жаль, что ты об этом узнала. Да, поначалу хотел тебя затащить в постель, но все изменилось, Мелани. Я полюбил тебя, правда, я...

— Пошел вон, — все, что он услышал от меня. — А попытаешься еще раз обнять, загремишь опять в госпиталь. Свалил!

— А ты хамишь, Мелани, — психанул Рега.

К вечеру кличка Хам стала его новым позывным с легкой руки Нира. Мой спец просто взломал систему, и сменил «Мужик» на «Хам» и главное прижилось моментом.

На другой день Тира, из команды Регп, попыталась повторить подвиг Нира, и очень сильно об этом пожалела — в качестве подтверждения своих постельных побед Хам отправлял снимки обнаженной натуры лейтенанту Кельму, и собственно я их заполучила. Так что когда во всех файлах со стандартной чернобелой мордочкой Тиры Альме снимок был заменен на нее же, но обнаженную в постели и в весьма откровенной позе, мы угорали всей командой. И я тихо радовалась, что до интима у нас с Хамом не дошло...

А, впрочем, дела давно минувших дней.

— Веник отвратный, — заметила я, небрежно взглянув на букет. — Терпеть не могу, когда дохрена цветов в вазе.

В этот момент открылась дверь, и вплыл огромный букет багрово-алых роз, с внушительным золотым бантом, и запиской.

— Мегер, это тебе, от нас всех! — Боров с трудом дошагал до стола, глянул на него, перехватил букет одной рукой, извлек из вазы цветы от Рега, молча прошел к капитану и вручил ему флору. А вернувшись, в освобожденную тару всунул свой громаднейший букет.

— Красота какая! — я вскочила, достала открытку, развернула. «Лучшему кэпу на свете!» — было написано там.

— Боров, спасибо, — у меня в глазах заблестели слезы, скрыв это путем зарывания носа в лепестки роз. Запах был умопомрачительным — обожаю розы.

— Да чего уж там, — смутился он. — Шорох нам про депиляцию рассказал, так что... с нас еще водяра.

— Заметано, накрывайте поляну, скоро буду.

Кивнув, мой снайпер удалился, я же, вернувшись на свое место, коснулась рукой столешницы. Та засветилась мягким зеленоватым светом, принимая допуск, и над столом замерцал экран, с последними новостями, которые скинул Бадер.

— Знаешь, это жестоко! — не выдержал Хам.

Хотелось заматериться, но, не смотря на все попытки освоить речательства, сам мат как-то корябил, так что я просто сказала:

— Свалил нахрен.

Потом, дома, включу запись «Все речательства космического флота» и поупражняюсь. А то как-то подзабыла самые обидные выражения.

А в следующее мгновение я забыла вообще любые выражения, кроме «Черт! Черт! Черт!».

Потому что на экране высветилась самая главная новость «Тареймская армада уничтожает астероидное братство».

Стоящий у входа капитан Рега что-то сказал. Потом еще что-то. Он вообще вдруг устроил целый монолог, но я не слушала. Торопливо прокручивая изображение вниз, я всматривалась в колонки значений «убито, задержано до выяснения обстоятельств, казнено на месте». И хватило пары минут, чтобы понять неожиданно пугающее — тареймцы не убивали женщин. Ни одной убитой

женщины. И еще один момент — цифры убитых в боевых действиях ничтожно малы. Ничтожно. У них на три-четыре сотни схваченных, при штурме всего один-два убитых. Какого черта?!

И тут кто-то взял и выключил экран.

Подняв потрясенный взгляд на Хама, увидела, как он ставит на стол черную открытую коробочку, там, на алой бархотке, сверкая кольцо с бриллиантом.

— Ты все слышала, — произнес капитан Рега. — согласишься стать моей женой — я останусь в управлении, а нет — переведусь в десант. Я не могу так больше, Мелани, очень тяжело любить женщину, которая тебя ненавидит.

Нет, определенно с обнаженным торсом и грацией голодного тигра, он мне нравился больше. Там хоть забавно было, в смысле я всегда увлекалась подсчетом кубиков на прессе, пока он там чего-то вещал на тему, что жить без меня не способен, а так...

— Хотя бы рубашку расстегнул, — устало сказала я, вновь включая экран.

— Что? — переспросил Хам.

— Рега, — я тяжело вздохнула, — я тебя не ненавижу. И вообще ненависти по отношению к тебе никогда не было.

— Правда? — он начал вдруг стремительно расстегивать рубашку. Усмехнувшись, спокойно продолжила:

— Я тебя просто презираю, Рега. Это презрение, но никак не ненависть.

Застыл.

После хмыкнул, сложил руки на груди и прямо спросил:

— А зачем попросила рубашку расстегнуть?

Пожав плечами, честно ответила:

— У тебя пресс потрясный, там кубики считать можно, обычно этим я и развлекаюсь, пока ты очередную хрень несешь. А теперь забрал свою бижутерию и свалил, у меня дел по горло.

Но включить экран Хам не позволил. Внезапно обошел стол, отшвырнув на пол свой букет, подошел, развернул меня к себе, нагнулся, упираясь руками в подлокотники кресла.

— Врежу, — спокойно предупредила.

Не отреагировал, склонился ниже и неожиданно серьезно сказал:

— Я же улечу с Гаэры, Мел.

— Вали, — безразлично ответила я.

— Ты меня больше не увидишь, — глаза сузились.

— Классно, — порадовалась инфе.

Хам наклонился еще ниже, и, глядя мне в глаза, выдвинул последний аргумент:

— Тебя ведь больше никто не полюбит.

Передернув плечом, ответила:

— Зайду в сексшоп. Все, Хам, свалил, работы дохрена, да и новый пост надо принять, сам понимаешь — я теперь зам, второй человек в управлении.

Резко выпрямившись, Рега несколько секунд пристально смотрел на меня, затем спросил:

— Довольна?

— Мля, давай откровенно — просто счастлива, — обворожительно ему улыбнулась. — Все же забрать должность, на которую ты так долго претендовал, это, как минимум, для самолюбия приятно.

— Стерва!

— Хамло, — металлическим тоном ответила я. — Иди утешься собственной никчемностью в очередной беседе с новым другом о своих мнимых постельных подвигах. А пока ты будешь ныть, я возьмусь за еще одно отвергнутое тобой задание, Хам. Видишь ли, это тебе было впадлу захватить тареймца, — смешок и уверенное, — а мы люди не гордые, с падлами дел не имеем, так что нам не сложно было. Итог — я на коне, ты в дерьме, впрочем, там тебе и место. А теперь на выход.

И кто бы мог подумать, что не пройдет и трех дней, как я приползу к Хаму, и буду откровенно умолять его взяться за задание, порученное Бадером мне...

Глава 3

Переговоры.

Началось с того, что утром меня разбудил коммутатор, который я поставила на отслеживание действий тареймцев в отношении астероидного братства.

Так что мой сон прогнало сообщение «Тареймское посольство прибывает на Гаэру в полдень».

Глаза открылись сами. После я села. Затем осознала ЧТО я только что услышала. И это было началом кошмара, потому что в следующий момент раздался звонок, и стоило ответить, как сонный Бадер произнес:

— Мегера, во всем управлении тареймский знаешь только ты, будешь переводчиком при посольстве.

— Рожи пришлешь? — зевнув, спросила я.

— Данные отсутствуют, — озадачило начальство.

— Млять, — я рухнула обратно на подушку.

— Нет, Мегера, не умеешь ты ругаться, — хмыкнул генерал. — Собирайся, встречаетесь на орбите.

Я кивнула, отключила связь, полежала немного, потом пошла собираться.

Переводчиком при особо «нервных» персонах я работала не в первый раз. Просто у меня мимика очень... тормознутая. И там, где обычные переводчицы краснеют и бледнеют, я перевожу близко по смыслу, но пропускаю ругательства.

В общем, выбросив все из головы, я отправилась в душ, оттуда к бежевому шкафу. Итог — классические бежевые брюки, белая рубашка с воротничком стойкой под горло, бреник, без жилета стараюсь вообще не выходить из дома после шести покушений, бежевый пиджак, волосы стянуты на затылке в классический тугий узел. Из косметики — тон на кожу, тон на ресницы и брови. На руки накладные ногти бежево-белой гаммы. Маленькая едва заметная брошь с видеокамерой. Ее естественно снимут, а ту, что в пуговке стандартно не заметят. Ну и собственно все — блеклая офисная мышь к работе готова.

Меня забрал катер посольства инопланетных дел, и что удивительно посол Эгвер уже был там, а обычно забирают сначала меня, потом всех остальных. Сейчас же кроме водителя присутствовал только посол.

— Привет, Мег.

Эгвер никогда не называл меня Мегерой.

— Элизабет, — я указала на бейджик, который сейчас как раз надевала. — Добрый день, господин Эгвер.

Улыбнулся, но как-то невесело. И вообще посол выглядел бледно, а его одутловатое лицо и вовсе натолкнуло на безрадостные мысли.

— Не люблю тареймцев, — признался он. — Наглые, заносчивые, похлеще танаргцев.

Понимающе улыбнулась.

— Ты с камерой?

— Естественно.

— Мне запретили.

А вот это уже странно.

— Хрен его знает, зачем заявили, — продолжил посол. — Ты — дура.

— Понял.

— Полная.

— Понял, не дурак, — ответила я.

Заулыбался. Потом неожиданно признался:

— С тобой мне как-то спокойнее.

По прибытию в космопорт прошли служебным проходом к уже ожидающему кораблю. Взлетели мгновенно, вышли на орбиту, некоторое время ожидали подлета тареймского корабля, а едва стыковка завершилась, отправились поприветствовать «дорогих гостей».

Нас встречал вооруженный взвод, солдат в сорок, и двое офицеров, которые ни слова не произнесли, едва мы вошли. Даже не поклонились.

— Переводчик не был оговорен, — стоило нам приблизиться, произнес один из офицеров.

Посол не растерялся и представил:

— Элизабет, помимо прочего, мой секретарь.

Офицеры переглянулись, и тот, что помладше шагнул к Эгверу. В следующее мгновение посла впервые за всю его карьеру обыскали. Тщательно. После офицер шагнул ко мне. И Эгвер не выдержал:

— Досмотр моего секретаря должна производить женщина.

Старший офицер усмехнулся и нагло ответил:

— Это военный корабль, господин Эгвер, военнослужащих женского пола у нас нет. Но если вы настаиваете на привилегиях для вашего секретаря, я сам проведу досмотр.

И наглый тареймец подошел ко мне.

— Камеру, — услышала я сходу.

Безропотно сняла брошь, протянула.

И услышала:

— Теперь действующую.

Изобразила полное непонимание.

Офицер хмыкнул, протянул руку и последовательно расстегнув три верхние пуговицы, сорвал с блузки четвертую. С камерой, да.

Изобразила испуг и смутение, а хотелось врезать придурку.

— Снимите пиджак, — прозвучало как приказ.

Молча передала послу папку, и подчинилась.

— Бронежилет, — последовало далее.

Изображать дуру становилось все сложнее. Но сняла, передала.

— Пиджак можете надеть, — оказали мне величайшую милость.

— Благодарю, — на тареймском произнесла я, и, надев, застегнула на все пуговицы. Жаль последняя находилась на уровне груди.

Удовлетворенно кивнув, офицер произнес:

— Следуйте за мной.

Едва он направился вперед, Эгвер встревоженно спросил:

— Элизабет, как вы?

— Все хорошо, господин посол, — вымученно ответила я.

Без бронежилета чувствую себя голой и уязвимой. Успокаивает лишь одно — на выходе должны отдать.

Тареймский корабль — это целая крепость с секторами, железными, а вовсе не пластиковыми, как везде принято уже, перегородками, дверьми, открывающимися только после того, как офицер прикладывает ладонь к панели идентификации. Короче, выйти отсюда можно или в сопровождении тареймца у которого имеется допуск, либо... оторвав руку у тареймца с подходящим уровнем

доступа.

Мы поднялись на уровень третьей палубы, миновали два расчетных центра и вышли в круглое с куполообразным потолком помещение, в центре которого над железным ободом переливала и искрилась планета, в которой я узнала Гаэру, а так же имелось два полукруглых дивана, на которых обнаружили офицеры Тарейма.

А в следующее мгновение я чуть не пошатнулась, едва поднялся сидящий до нашего появления тареймец.

Потому что этого носатого я узнала сразу!

Но моя выдержка подверглась еще большему испытанию, когда господин посол, низко поклонившись, подобострастно произнес:

— Архонт Дагрей, безмерно счастлив видеть вас.

Архонт! Мля, архонт! Один их семи правителей Тарейма. Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт!

— Господин Эгвер, — архонт едва склонил голову, в знак приветствия. — Я вижу, вы не один.

В последней фразе послышалось плохо скрываемое недовольство.

Черт! Черт! Черт! Нет, бывало, что мне не везло, но чтобы так! Черт!

— Позвольте представить вам моего секретаря и переводчика, Элизабет Авояр, — произнес господин посол.

— Очень... приятно, — процедил архонт.

И стало ясно, что приятного в моем появлении нет вообще ничего. Вымученно улыбнулась, не обнажая зубов. Черт, попала! Нет, ну надо же.

— Прошу вас, проходите, — меж тем продолжил архонт Дагрей.

Офицер, приведший нас сюда, прошел к диванам, и указал нам на тот, который располагался напротив уже севшего адмирала. При чем адмирал сидел среди своих высших офицеров, и троих я узнала — виделась уже на Франциске. Черт!

На негнувшихся ногах последовала за послом, села чуть в отдалении от него, сгорбившись. Все семеро тареймцев разом уставились туда, где открывался вид на ложбинку декольте. Быстро выпрямилась, кое-как поправила рубашку, стараясь максимально прикрыться.

— Лвеур, — как-то вальяжно протянул архонт, — что случилось с одеждой нашей гостьи?

Офицер насмешливо ответил:

— Излишняя концентрация видеокамер.

— Забавно, — растянул губы адмирал Дагрей.

Черт!

Но психовала я только внутренне, внешне же робко улыбнулась, и стала изображать дуру. Причем абсолютную.

— Мы бесконечно счастливы приветствовать вас на Гаэре, — нервно заговорил посол Эгвер, — и сделаем все от нас зависящее, чтобы посещение нашей планеты было для вас максимально приятным и...

Посол осекся. Взглянув на архонта я поняла почему — Дагрей больше не улыбался. Более того, взгляд его сделался тяжелым, мрачным и не скрывал злости.

— Оставьте ваши речи для дипломатических приемов, — жестко произнес архонт, испепеляя взглядом вмиг сжавшегося посла. — Я прибыл по одной конкретной причине, господин Эгвер. И причина эта ничуть не радует меня, как не обрадует и вас. Итак, — жесткая усмешка, — в первую очередь мне хотелось бы знать, по какому поводу офицеры тареймского флота удостоились столь пристального внимания ваших разведслужб.

О, черт!

— Ппппростите? — переспросил потрясенный посол.

Я демонстративно приложила палец к губам. Эгнер умолк. Укоризненно посмотрев на него, недовольно покачала головой, подошла и принялась расстегивать пиджак дипломата. Дверь открылась и вошел капитан корабля. Вероятно, глядя на то, как я снимаю пиджак посла, а затем расстегиваю его рубашку, любой на его месте сделал бы соответствующие выводы, но капитан Керим меня знал. И потому, пока я обыскивала рубашку Эгвера, начал монотонно отчитываться о погоде на Гаэре, времени посадки, давлении, состоянии корабля. Жучки нашла в количестве двух штук, маленькие, словно осколочек стекла, с функцией передачи и звука и изображения. Затем обыскала свою одежду — один. Что радует. Все положила в изолированный контейнер, заперла.

Внезапно щелкнул коммутатор господина посла, тот, оставаясь полуголым и в одних брюках, торопливо ответил и...

— Как вы, говорите, зовут вашего секретаря? — раздался голос архонта Дагрея.

Черт, только сейчас поняла, что Эгвер назвал меня по кодовому имени — Мэг.

Но выдержка посла меня порадовала:

— Элизабет Меган Авояр, — отчеканил господин Эгвер.

Тареймец отключился.

Внезапно поняла, что у меня дрожат ладони. Молча передала контейнер капитану- для утилизации, и спокойно вздохнула, только когда корабль приземлился на Газре.

— Вас куда сейчас? — вежливо спросил морально раздавленный как и я посол.

— В управление, — уверенно ответила.

К Бадеру я ворвалась без стука. Он, генерал Макартиан и генерал Беймур сидели в кабинете, хмурые, злые, и несколько растерянные. Не говоря ни слова, я сорвала с себя пиджак, швырнула его на полочку у стены, пересекла весь кабинет, подошла к сейфу, сдвинула секретную панель, обнажившую за собой ряд бутылок, выбрала алейский виски, открыла бутылку и начала пить прямо из горлышка.

— Мегера, — укоризненно произнес Бадер.

— К черту, — прошипела я, и сделала еще три глотка.

Голодный желудок опалило, но затем приятное тепло разлилось по всему телу, отвлекая от мрачных мыслей, и я смогла задать единственный терзающий меня вопрос:

— Что будет с моей командой?

Генералы промолчали.

Я же не выдержав, продолжила:

— Мы сработали чисто, прокололись наверху! К нам какие вообще могут быть претензии?

— Никаких, Мегера, — генерал Макартиан покачал головой. — Протест мы уже отправили, запрос на схему утечки так же.

Кивнув, я спросила:

— Будем делать вид, что утечка не наша, и мы третьи лица?

— Да, — подтвердил Бадер.

Сделала еще один глоток, зажмурилась, постояла немного, и спросила:

— Мои действия?

— Готовь команду, подчищать будете вы, — сообщил Бадер.

Глава 4

Ночь выдалась бессонная. Полностью бессонная ночь, и если начальство отключилось от связи и ушло спать часам к пяти утра, то мы с Миром, Эвином и Стэмом сидели до семи, как идиоты, и просчитывали вероятности.

Примерно где-то в семь двадцать, Стам, просматривающий новости, вдруг зачитал:

— Пять дней назад на базу Кареба поступил пиратский корабль. На борту обнаружилось двести семь человек, среди которых были женщины и дети. Используя подкуп, капитан приобрел шесть кораблей, после чего пиратское общество покинуло техническую базу, стартовав в разных направлениях.

Я, приканчивающая бутылку последним глотком, замерла. После мотнула головой, прогоняя сонливость, и потребовала:

— Зачитай еще раз.

Стам с дикторскими интонациями зачитал все повторно. Я, сидящая к тому времени на полу в обнимку с сейром, мгновенно вошла в сеть, ввела свои данные, повысив разом уровень доступа к материалам.

И появилась идея!

— В общем, так, — одновременно с рассказыванием своей мысли, начала строчить доклад начальству, — не было никакой операции на Газре, и нас с вами тоже не было. Это пираты. Все это были пираты. И взятки господину Хройту так же не было, у нас вообще не существует взяточников, у нас демократия.

— Э... — протянул Пир.

— Они расплатились информацией, — продолжила я. — Эти пираты передали коменданту базы господину- Хройту храны содержащие информацию, полученную от тареймского офицера. Пираты получили инфу и намеревались выгодно ее продать, но когда запахло жареным, то есть архонт Дагрей приступил к уничтожению братства, они испугались. Рванули на базу Кареба, и выменяли у коменданта шесть кораблей, в обмен на храны. Среди экипажа были женщины и дети, значит пираты были готовы на все, чтобы спасти свои семьи. И все логично!

Взглянула на мужиков. Нир задумчиво кивал, продумывая схему, Эвин уже начал разработку легенды, Стем просчитал вероятности, кивнул, и вынес свой вердикт:

— Правдоподобно.

В тот же миг я нажала «Отправить» и четыре письма разлетелись по сети. Первым ответил генерал Макартиан: «Да, идет, они получили сведения о хранах двое суток назад. Во временной промежуток влезает». Затем отписался Бадер: «Отлично, Мегера!», третьим генерал Беймур: «Подгоните инфу, счета коменданта подчистить».

После этого я кивнула Ниру. Хакер улыбнулся и задал провокационный вопрос:

— Деньги должны исчезнуть без следа?

Вопрос я поняла преотлично. Кивнула. И через полчаса все средства продажного коменданта, отчистив его совесть и обелив образ народного героя, умчались в Закрытый сектор, туда, откуда ни один представитель гаэрской власти не сможет их достать... А мы сможем, там счета на наши имена, но это так, маленькая тайна.

Последний, кому отправила сообщение, ответил на него звонком.

Приняла вызов, и на экране отразилось бледное, одутловатое лицо посла Эгвера.

— Хороший ход, Мег, — жалко улыбнулся он, глядя на меня водянистыми светлыми глазами. — Одна проблема — они вызывают нас на корабль.

— Кто? — не поняла я.

— Тареймцы, — устало вздохнул Эгвер. — Затребовали явление в том же составе.

— Хрен им! — выругалась я. — Простите, господин посол, но меня туда теперь клещами не затащишь!

— Понимаю, — улыбнулся этот уже пожилой мужчина. — До встречи.

И отключился.

Не нравится мне, как выглядит Эгвер, ему бы сердце проверить...

На мысли по поводу посла больше у меня времени не было. К девяти часам утра легенда была безукоризненна, правдива и чиста, как может быть чиста только кристальная правда. К десяти отчет, одобренный на самом высоком уровне и содержащий фотографии и видеозаписи изображающие пиратов, спешно переходящих из линкора, к шести полученным кораблям, были отосланы тареймцам.

Не прошло и пяти минут с момента отправки, как раздался звонок.

Нервно включила сейр и услышала слова господина посла Эгвера:

— Собирайся, Мег. Они затребовали заместителя разведуправления Гаэры, для получения официальных извинений.

Выругавшись, я спросила:

— А президентских извинений им было мало?

Посол развел руками.

— Черт!

— И почему зама?

— Генералу Бадеру доступа на территории Тарейма закрыт. Покутил в молодости. Так что остаешься только ты.

Эгнер отключился.

— Что будешь делать? — спросил все слышавший Стэм.

Посидела секунд тридцать, не больше, потом встала и отправилась в кабинет к Хаму. Ненавижу просить, вот ненавижу и все, а делать нечего.

Когда шла по коридору, уставшая, помятая, все в том же бежевом строгом костюме, на меня все смотрели. По управлению прошел слух, что кадры Мегеры накосячили, и теперь с языком через плечо замечают следы. Мерзкая ситуация и мерзкое ощущение, ну да делать нечего — не будешь же всем и каждому объяснять, насколько они не правы. Да и нельзя — государственная тайна, причем высший уровень секретности.

Перед кабинетом Хама стояла с минуту, собираясь с силами, затем толкнула дверь и вошла.

Капитану Рего никто не позволил уйти в отставку, военная служба вещь суровая, и потому два дня Хам появлялся на работе в хлам пьяный. Дважды пытался устроить мне скандал, но Шорох и Боров не позволили. И вот я пришла к нему сама.

Войдя, остановилась на пороге, огляделась. Кабинет Хама представлял собой строгое следование классике — деревянные пол и мебель, широкий резной письменный стол, широкое, ну так под габариты, кресло. Гардины на окнах. Раскладывающийся диван у стены. Книжная полка. И да — награды, грамоты, благодарственные письма по стенам. Как же, эго нужно холить и лелеять... Кстати, а где мои грамоты и благодарственные письма? Попыталась вспомнить... Вспомнилась пьяная попытка запихать вываливающиеся листы под диван... Мда.

— И чего пришла? — любопытствовал Хам.

Прошла ближе, остановилась перед его столом... Выругаться бы, а нельзя, мне сейчас придется глубоко, очень глубоко запихнуть свою гордость.

— Выпьешь? — неожиданно спросил капитан.

Молча забрала из его руки полный стакан, махом все выпила, с тихим звоном вернула стакан на стол и, вспомнив, что сутки так ничего и не ела, желудок мне об этом явственно напомнил, сказала:

— У меня... трудности.

— Уже слышал, — усмехнулся Хам. — От меня чего хочешь?

И, сволочь, совершенно трезвым голосом спросил. Получается, пьянка была показательной, чисто

для воздействия на совесть руководства? Сволочь.

— И? — Хам вскинул бровь. — Давай, Мелани, я очень внимательно слушаю.

Черт! Черт! Черт!

— В общем, так, — я присела на край стола, потому как сутки активной мозговой деятельности, подкрепляемые только алкоголем, уже начали сказываться на самочувствии, — ты заменишь меня и принесешь извинения архонту Дагрею, я откажусь от должности зама Бадера, в твою пользу, соответственно.

Высказав все, выжидательно посмотрела на Хама. Предложение было щедрым, более чем щедрым, а я если давала слово, за слово отвечаю и Рего об этом знает. Но почему-то, взгляд Хама странным образом затуманился и я услышала:

— Раздевайся, Мелани.

— Что?! — от возмущения, голос вмиг охрип.

— Я сказал — раздевайся, — спокойно повторил Хам. — Хочу посмотреть на твои кубики пресса, глядишь и мне тоже будет... забавно.

Появилось непреодолимое желание расквасить его наглую рожу. Преодолела. С трудом, но преодолела, и устало спросила:

— Только пресс?

— Натаем с него, — милостиво просветил капитан Рего.

Нет, я его все-таки ненавижу. Но вспомнив взгляд и усмешку архонта Дагрея, взялась решительно расстегивать блузку. Расстегнула, распахнула края и продемонстрировала свой, не особо накаченный живот.

— Доволен? — вопрос прозвучал враждебно.

Хам плавно поднялся. И мне бы сразу заподозрить неладное, но Рего произнес:

— Стой, дай проверю. От тебя всего можно ожидать, так что это вполне может оказаться пластиковая насадка.

То есть меня сейчас еще и полапают. Хрень! Вскинув руки, продемонстрировала, что может проверять спокойно, и это было моей ошибкой — плавно обойдя стол по кругу, Хам приблизился ко мне, сидящей на краю столешницы, долго смотрел почему-то в глаза... А потом я вдруг оказалась опрокинута, шею сдавила мужская рука, а сам, мерзавец, прикоснулся губами к моему животу! Губами, затем потерся щекой, пока я отчаянно пыталась встать.

— Тихо-тихо, Мелани, — Рего хрипло рассмеялся, — у нас же переговоры, так? Ты меня уговариваешь, так что должна быть хорошей девочкой, да. Мел?

Понимая, что рукой я его хрен достану, нанесла удар коленом в плечо. Рего отлетел, с трудом удержался на ногах, но все же устоял. И когда я поднялась, ринулся ко мне, чтобы получить апперкот в челюсть. Взыл, пошатнулся, временно утратив ориентацию в пространстве, но не упал.

— Ну ты и мразь, — стремительно застегиваясь, прошипела я. — Мразь ты, Хам, отстойник ходячий!

Он дернул головой, посмотрел на меня налитыми кровью глазами.

— Но есть для тебя одна хорошая новость, ублюдок, — продолжила я, поправляя одежду, — кажется, место зама освободиться для тебя естественным способом — как только я сдохну. Доволен?

Хам нахмурился, перестал изображать подобие быка на арене и, придерживая явно болящую челюсть, спросил:

— Что?

— Что слышал, придурок! — я обошла его, и направилась к двери. — Счастья тебе, на новой должности.

Из управления вышла, ни с кем не прощаясь. На улице уже ждал катер министерства инопланетных дел, так что даже не пришлось своего водителя ждать. Посла не было, видимо мне давали время привести себя в порядок.

В квартире сразу пришла на кухню, поставила кофе, приготовила омлет с поджаренным хлебом. Пока все остывало, приняла душ. А когда вышла из ванной, услышала звук открывающейся двери. Сразу и искренне пожалела идиота, рискнувшего грабануть мою квартиру, но тут из-за поворота в прихожую, показался Хам.

В мундире, гладко прилизанный, без каких-либо повреждений на лице и с самым официальным видом.

— В гелликс наведался? — уточнила я.

Кивнул.

— Дверь зачем вскрыл? — продолжила я, придерживая полотенце.

— У меня ключи, — улыбнулся капитан Рего.

— Откуда?

— Извини, я свои источники не выдаю, — усмехнувшись, ответил Хам. Затем продолжил: — В общем, отдыхай, к тареймцам я сам.

Решила, что больше никогда не буду ему хамить, и с благодарностью сказала:

— Спасибо.

Кэп Рего улыбнулся, и посоветовал:

— Отдыхай.

Когда он ушел, я села завтракать, правда кофе отодвинула. Решила дожидаться возвращения Хама, и если все пройдет успешно, лечь поспать. А если нет... будем думать. Легенду- мы проработали отлично, если не тареймцам сможем мозги запудрить, то, как минимум галактическому сообществу. Таким образом, никакой изоляции не будет — нас поддержат все планеты.

Но не успела я доесть омлет, как раздался звонок в дверь.

Все так же в полотенце, пошла открывать — за дверью оказался личный водитель господина посла.

— Оу, — выдала удивленно.

— Добрый день, госпожа Авояр, — улыбнулся мне седой стареющий мужчина. — Боюсь, возникли сложности, господин посол настаивает на вашем присутствии.

Черт!

— Пять минут, — вздохнула тяжело, — входите.

Одевалась вообще нехотя — серый мрачный закрытый костюм с юбкой до колена, серый тон на кожу, серый тон на ресницы и брови. Видок — краше хоронят, но для перепутанной переводчицы вполне пойдет.

Захватила папку с чистыми листами, мало ли, так солиднее.

Когда вышла, водитель заметно удивился.

— Дресскод, — сообщила я, дабы не вдаваться в подробности. Мужчина кивнул.

Катер, который ожидал внизу, тоже был личным транспортом господина посла. И вот это удивило, могли бы и из управления катер послать. А вообще сообщить — я бы в космопорт добралась на своем черном монстре, кстати я по нему соскучилась.

В катере посла царил сумрак и странный, сладковатый запах.

— Это что? — удивилась я.

— Успокоительный сбор, господин Эгвер нервы успокаивал. Сейчас включу кондиционер и все выветрится.

Включил, едва сорвались с места. Но вместо того, чтобы исчезнуть, запах стал сильнее. Прикрыв нос, я попыталась открыть окно, и поняла, что заблокировано.

— Откройте, пожалуйста, — попросила водителя.

Он чуть обернулся, и вновь стал следить за дорогой. И я вдруг поняла страшное — в ноздрах водителя сверкнули фильтры...

На меня накатила тьма.

— Мразь, — выговорила с трудом, пытаюсь добраться до сейра, задержав дыхание.

Успела, сообщение о тревоге полетело в офис, а я, потеряв сознание, упала на дорогое кожаное сиденье, с отвратной мыслью — «Седьмое покушение, кажется, не переживу».

Глава 5

Плен

— Тихо-тихо, садимся, не орем, не возмущаемся, не молим о пощаде, — раздался надо мной насмешливый голос сто процентов тареймца.

Медленно открыла глаза. Надо мной сверкал идеально белый потолок космического корабля.

— Орать будем? — поинтересовались у меня.

Медленно повернула голову — я оказалась лежащей на кушетке, рядом трое офицеров. Приподнялась, оглядела себя — не тронули, даже пуговицы все на месте. Затем подняла ладонь, посмотрела — тон на месте. И за кого они меня тут принимают?

— В общем, ваша проблема в том, что не того в любовники выбрали, — просветил меня офицер.

Они решили, что я любовница господина посла? От подобного предположения у меня глаза округлились, и один из тареймцев тут же поспешил успокоить:

— Тихо-тихо, давайте без криков.

— Идти сможете? — спросил первый.

Неуверенно кивнула. Мне помогли встать, придержали, едва пошатнулась. После, один из офицеров предоставил локоть, и едва я за него вцепилась, повел из каюты.

Шли недолго, и достаточно для того, чтобы я поняла, на чьем корабле нахожусь — архонта Дагрей. Ситуация не слишком обнадеживала. Но дальше оказалось куда безрадостнее — меня привели к перегородке из пластика, что удивительно, и остановились.

За перегородкой звучали голоса и я услышала разговор:

Посол Эгвер: Переданные вам сведения абсолютно достоверны!

Архонт Дагрей: Вы лжете.

Посол Эгвер: Поверьте, Гаэре вовсе не к чему становиться на пути Тайрема.

Архонт Дагрей: Вот тут я с вами полностью согласен.

Посол Эгвер: И мы бы никогда...

Архонт Дагрей: Вы уже...

Посол Эгвер: Поверьте, я клянусь своей честью, что переданная вам информация совершенно верна!

Архонт Дагрей: Как же мало значит для вас слово «честь». Введите.

Панель медленно отъехала в сторону, открывая для меня уже знакомое помещение, с изображением Гаэры в центре, в окружении белоснежных полукруглых диванов. На одном, вальяжно раскинувшись, сидел архонт Дагрей, на втором, на самом краешке, нервно вздрогнув, посол Эгнер.

— Вы знаете эту девушку, не так ли? — безразлично поинтересовался адмирал.

И не дожидаясь, продолжил:

— Конечно, знаете, господин посол, это Элизабет Авояр, ваша бессменная любовница вот уже пять лет.

Я искренне постаралась скрыть изумление, послу скрывать ничего не нужно было — он просто оказался потрясен до глубины души.

— Знаете, вы ведете очень скрытный образ жизни, — продолжил архонт Дагрей. — Жены нет, детей нет, сотрудницы вашего офиса никогда не появляются в вашем имении, и только Элизабет, — меня одарили насмешливой улыбкой, — неоднократно была замечена, выходящей из вашего гаража, чтобы совершить с вами очередное путешествие... так скажем по работе.

«Придурок!» — мрачно подумала я.

Нет, не об архонте, я сразу поняла, у кого возникли столь идиотические мысли — личный водитель господина посла. Ну, с другой стороны, что еще этот старый дурак мог подумать — он частенько приезжал к восьми на работу, в это время я уже сидела в служебном катере посла и ожидала его. То есть всегда заезжали сначала за мной, потом за послом. И я, о будь прокляты законы вежливости, всегда перекидывалась парой фраз с личным водителем, так сказать, уважая старость.... Знала бы, чем мне это аукнется!

— П послушайте, я, — начал было перепуганный посол.

Что ж, я догадывалась о чем он сейчас думает — что все действительно выглядело подозрительно, в конце концов я часто ехала как второй, или даже третий переводчик. И переводчики менялись, я нет... Черт!

— Мне нужна информация, — устало произнес архонт Дагрей. — Конкретно информация о женщине, которая главенствовала в этой команде. И мне плевать кто это — работник службы разведки или любовница пирата. Добудьте мне информацию, и я верну вам вашу женщину. Свободны.

Посол Эгнер отчетливо знал, какую именно женщину ищет тареймец, но к его чести, даже не показал этого. Стремительно подошел ко мне, обнял, пообещал, что сделает все, чтобы меня вытащить. Я всхлипывала, кивала, и сжимала руки так, чтобы ногти впились в кожу. Почему-то тянуло на смех. Видимо истерический.

— У вас две недели, — обозначил срок архонт Дагрей.

За две недели Нир найдет подходящее тело какой-либо пиратской женщины и Эгнер предоставит его адмиралу. Да, двух недель более чем достаточно.

— Вы свободны, — напомнил архонт.

Посол поклонился, бросил на меня выразительный взгляд, и покинул помещение, сопровождаемый тем самым офицером, что привел меня. И мы с тайрецем остались одни.

— Огромная просьба не орать и истерик не устраивать, — устало попросил он.

Промолчала.

— Эти две недели спокойно посидите в отдельной каюте, никто вас не тронет.

Да без проблем, всегда мечтала об отпуске, а мне за пять лет не выдали ни единственного, так что просто посижу и... И тут я осознала степень попадоса — косметики при мне ни грамма! И одежды! Черт!

И в довершение ко всему прозвучало:

— Знаете, такое ощущение, что я вас уже видел...

Я не придумала ничего лучше, кроме как громко и патетично всхлипнуть, а после позволить своему подбородку задрожать, имитируя надвигающуюся истерику.

— Ооо, женщины, — простонал адмирал. — Слушайте, вас сейчас проводят. И вот там рыдайте себе сколько вашей душе угодно, я не против.

С этими словами он встал, развернулся и оставил меня наедине с диванами и макетом Гаэры.

Стою, стараюсь не улыбаться. Не улыбаться, сказала.

Через минуту появился офицер, попросил следовать за собой.

На пятом уровне меня ждала одиночная каюта, в ней, на столике, лежал мой заботливо сложенный бронежилет, а так же обе камеры, то есть брошь и пуговка.

Когда дверь за моим провожатым закрылась, я приложила титанические усилия, к сохранению стабильного эмоционального состояния, в итоге истерически хохотала, закрыв лицо подушкой.

Осознание всей ситуации оно пришло потом, позже, когда мне принесли ужин в каюту, и тайремец странно поглядел на испачканную тоном наволочку на подушке.

Ночь я безмятежно проспала. Утром, поглядывая на наручные часы, которые оставила на столике, поняла, что уже полдень. Встала, съела оставленный для меня завтрак, его в семь утра притащили, и плюнув на все, снова завалилась спать.

В обед принесли обед, забрали поднос с остатками завтрака.

Из-под одеяла сонно посмотрела на тайремца явно не из офицерского состава, этот был худым и слишком юным, повернулась на другой бок и снова заснула.

Вечером принесли ужин, и почему-то не забрали поднос с нетронутым обедом. Махнув на странности тайремцев рукой, продолжила спать.

Как оказалось — зря.

— Элизабет, — раздался надо мной голос, и чья-то рука легла на плечо, — послушайте, я вовсе не вижу проблемы в том, что вы здесь поживете немного. Следовательно, ваши переживания и попытки устроить голодный протест, совершенно бессмысленны. Элизабет, вы меня слышите?

Интересно, а что будет, если я скажу- «нет»?

— Элизабет?!

— Я вас слышу, — ответила дрожащим писклявым голосом натуральной блондинки.

— Я рад, — произнес архонт Дагрей. — Вы будете есть?

— Дда, — вновь едва слышно ответила.

— Поднимаетесь?

Эм...

— Когда вы выйдете...

Пауза, затем с явным облегчением:

— Конечно, я не буду вас смущать. Просыпайтесь, поешьте, если пожелаете, можете спуститься к нам кают-компанию. Слово адмирала — вас никто не тронет.

Снова кивнула, прикрывшись одеялом.

— Вот и хорошо, — архонт снова потрепал меня по плету, поднялся и вышел.

Пришлось вставать, идти и ужинать.

Вернувшийся через полчаса солдат, забрал оба подноса, удовлетворенно покивав. Я наблюдала за ним через щелку, приоткрыв дверь в душевую.

Нет, здесь оказалось очень даже не плохо, но очень хотелось умыться и распустить волосы.

Так завершился мой второй день на тареймском корабле.

Третий ничем не отличался — я отсыпалась, ела, снова заваливалась спать. Для меня, человека, который не спал толком последние лет восемь, такая жизнь казалась сущим раем.

Но имелся в этой идиллии, один напряженный момент — архонт Дагрей.

Вечером третьего дня, я все так же безбожно спала, когда моего плеча вновь коснулась мужская ладонь. Вздвогнув всем телом, тут же проснулась, но все так же лежала спиной к адмиралу, и поворачиваться совершенно не хотелось.

— Как вы себя чувствуете? — спросил мужчина.

Изучая взглядом стену, и в частности едва заметную трещинку в краске, пискнула:

— Все хорошо.

— Вы не спустились вчера, — продолжил адмирал.

Черт, не спустилась и не спустилась, конспирацию соблюдаю, вали уже!

Но вслух:

— Простите, мне... мне нечего было надеть... — прошептала я.

И вот все, что я могла — или шептать, или пищать, потому как были опасения, что по нормальному голосу архонт меня узнает.

Некоторое напряженное молчание, а затем он произнес:

— Хорошо, я распоряжусь, чтобы с этим вопросом разобрались. Что-то еще?

Ну, если уж ты спрашиваешь, ворюга, то я отвечу:

— Да, у меня нет даже косметики...

— И это все, что вам нужно? — насмешливый вопрос.

Так значит, да? Ну и получай!

— Мне ничего не нужно, кроме свободы! — патетически пропищала, и залилась слезами, громко всхлипывая.

— Элизабет, простите, — мгновенно пошел на попятную адмирал.

Не, ну он прикольный, мне лично очень нравится.

— Я прикажу, чтобы вам как можно быстрее доставили все требуемое. Отдыхайте.

Едва он ушел, я осторожно поднялась, и шмыгнула в ванную. Когда вернулась, заметила странное — мне подменили подушку. Ту, испачканную тоналкой фирмы «Шелк силикона», заменили на чистую и новую.

Ужинала все недоумевая, по поводу причины воровства.

Ночью у меня украли и вещи!

Это было очень странно, но проснувшись, я увидела длинную сорочку на спинке стула, там, где еще вчера лежал мой серый костюм и стальная рубашка. Ворюги!

Посетовав над пропажей, я завалилась спать.

А потом наступил вечер. Как я это поняла?!

Все гениальное просто — меня разбудили осторожным:

— Элизабет, добрый вечер.

Медленно, очень медленно втянула ногу, оказавшуюся не укрытой, под одеяло. Еще медленнее, осторожно прикрылась одеялом с головой, потому что с горя от пропажи одежды, я таки умылась...

— Ваша косметика, — произнес архонт, и поставил на кровать перед моим лицом подарочную корзинку фирмы «Шелк силикона».

Осторожно отодвинувшись, из-под одеяла, потрясенно смотрела на упаковки, и мысль билась лишь одна — они, что сняли соскоб с подушки, провели распознавание и так выяснили чем я морду намазала? Обалдеть!

— И ваша одежда.

После чего зашло двое солдат, внесли пакеты из магазина «Офис и стиль», в котором я и покупала эти жуткие костюмы, для имитации переводческой деятельности.

— А так же, возвращаем ваш костюм.

Дверь за солдатами закрылась, и архонт Дагрей положил мой сложенный костюм на спинку стула. И тут случилось странное — он вдруг широко улыбнулся, но тут же подавил усмешку, и вновь стал серьезным и сочувствующим.

— Вы, вы меня путаете, — пискляво заныла я, предотвращая страшное.

— Простите, Элизабет, — снова попытка сдержать улыбку, — вы крайне забавно выглядите сейчас. Простите, только давайте без слез.

Громко и показательно всхлипнула.

— Уже ухожу! — надо же, догадливый. — Я лишь хотел сообщить, что завтра меня не будет, но послезавтра я зайду проведать вас пораньше. Отдыхайте, Элизабет.

С этими словами меня, наконец, оставили одну.

Но очень, очень странной показалась мне эта улыбка...

Со мной играют? Похоже, что да, причем не особо скрывая это.

Что ж, мы тоже так умеем, и даже круче, на то пошло.

Поднявшись с постели, я в первую очередь схватила корзинку с косметикой и утопала в ванную.

Наутро я проснулась, когда принесли завтрак. Сладко зевнула и потянулась, наслаждаясь сереющим лицом солдата, который узрел мой зеленый цвет мордашки — минеральная маска, это просто ммм...

— Еще просто не накрусилась, — «успокоила» я тайремца.

Парень отшатнулся как от чумной, стукнулся спиной об дверь, и торопливо выскочил, оставляя меня одну. А я тут подумала — а чего они без стука входят?! Между прочим не слишком культурно.

Все в той же зеленой минеральной маске для лица и в длинной белой сорочке, я, вооружившись темно-бардовым карандашом для губ, открыла дверь, и вышла в коридор. Там у парочки офицеров едва не случился сердечный приступ, и мужики ретировались в спешном порядке.

Да, красота страшная сила!

Избавившись от свидетелей творческого процесса, я взглядом опытного художника-дверимарателя оглядела место нахождения будущего шедевра. Затем, вскинув руки, чтобы опали рукава сорочки, принялась ваять страшно-гениальную надпись: «Осторожно, голая женщина! Без стука не входить — убьет!».

Почитала, подумала, решила что нет, это не страшно, и собственно изобразила голую женщину-всклопоченные волосы, клыкастый рот, вместо груди два черепа, в самом интересном месте юбочка, я же скромная девушка... иногда. На ногах каблуки, и внизу приписка «Каблуком в глаз!». Все надписи на тайремском — я же образованная девочка. А то что рисовать вообще не умею, это так мелочи — зато страшно получилось.

О том насколько страшно, я получила представление еще до обеда — за дверью то и дело раздавались возгласы и ругань, ну и собственно обед мне принесли с третьего раза — первые два подноса у солдата, созерцающего мой шедевр, просто падали, оглашая все вокруг звоном разбитой посуды.

Но таки я своего добилась — теперь он стучал!

И когда в третий раз принес поднос, стучал долго и вежливо, пока я не смилостивилась и не сказала:

— Войдите!

Вошел. Поднос грохнулся на пол, прямо на входе.

— Цвет не нравится? — искренне удивилась я. — А по моему красный мне идет.

И принялась и дальше красить ногти на ногах, и только когда закончила, а парнишка, сложив очередные черепки на поднос, убрался, поняла причину его испуга — на мне теперь была питательная маска с водорослями нейского моря, то есть вообще ядовито-фиолетового цвета.

Зато когда все было закончено, и я любовалась ноготками и на руках, и на ногах, поняла, что хочу есть. Нет реально, есть очень хотелось, а парнишки с подносом все не было.

Вспомнила о маске, но решила ее не снимать, она по идее два часа должна сидеть на морде лица, чтобы кожа хорошо напиталась витаминами и минералами. В итоге пооткрывав пакеты с одеждой, нашла себе фиолетовый строгий костюм, почти в цвет маски, причесала волосы, собрала в косу, обула черные туфли на маленьком каблукке, и пошла добывать пропитание.

Едва вышла, увидела идущего мне на встречу солдата с подносом. Парнишка с перепугу вздрогнул и...

— Слушай, я так с голоду помру! — сделала неутешительный вывод, глядя на россыпь того, что было моим четвертым по счету неудавшимся обедом.

Парень почему-то взвыл, схватился за голову и умчался в далекую даль... Нервный какой-то. В общем, я пошла за ним, и ясное дело — застряла перед первой же перегородкой. Пришлось стоять и ждать, пока появится кто-то, с достаточным уровнем допуска, чтобы провести меня.

Я все надеялась, что этот кто-то появится сзади, оглядывалась постоянно, но путь надежды оказался извилист, перегородки передо мной раскрылись, и я увидела офицера, который даже уже поднял ногу, собираясь шагнуть, но тут узрел меня...

— О, а я как раз вас ждала, — мило улыбаясь стянутыми маской губами, сообщила мужчине. — Понимаете, я очень голодная и поэтому мне нужна ваша рука.

В следующее мгновение я поняла, что тайремские мужчины существа очень нежные, и психика у них нестабильная, потому как вместо того, чтобы провести голодную девушку как полагается, этот полез за оружием!

— Э, мужик, ты чего? — возмутилась я.

Но была вынуждена уклониться от выстрела, а после перейти в атаку, потому как пристрелят же и не заметят. Мужик в рукопашную со мной не пожелал, отшатнулся, поскользнулся, и грохнулся спиной на стену...

Короче я его толком и пальцем не тронула, а офицер сполз к моим ногам бесчувственной грудой.

— Черт! — возмутилась я.

Желудок поддержал голодным урчанием.

— Ну, хрень же! — продолжила я. — Слушай, мужик, я конечно голодная, но не настолько, чтобы всего тебя тащить! Мне всего-то одна твоя рука нужна и все!

И тут я поняла страшное — следующая перегородка раскрылась и за ней стоят четверо солдат.

И они слышали каждое мое слово.

— Эээ, — я сразу вскинула руки в защитном жесте, — народ, это вообще не то, что вы подумали...

Перегородка закрылась.

Вспомнив, что они тут чуть что хватаются за оружие, я развернулась и, петляя, бросилась прочь! Когда уже почти добежала до каюты с надписью «Осторожно голая женщина!», услышала позади:

— Она сожрала офицера Орта!

Ворвавшись в свою комнату, торопливо подперла дверь, и замерла, чувствуя, как быстро бьется сердце.

Через минуту в дверь постучали и я услышала:

— Элизабет, откройте!

Да, счас!

— Элизабет, вы в порядке?

Даже не знаю, что и сказать, потому как я в шоке.

— Хорошо, я дам вам время успокоиться, — решил совершенно незнакомый мужчина, и мою дверь перестали избивать.

Потом я долго стояла, думая чего делать. Потом пошла смыла маску, походила немного с нормальной кожей, в итоге замазала все, маскируясь под серую офисную мышь. Потом поняла, что есть хочется прямо очень-очень. Не выдержала, взяла маленькое полотенчико и карандаш, отодвинула стул, выглянула в коридор.

А там оказалась охрана, вооруженная, причем оба офицера, и оба напряженно на меня уставились. Тяжело вздохнув, вышла в коридор, закрыла дверь. В последний раз посмотрела на свой шедевр «Голая женщина», решительно стерла все, нарисовала грустное-прегрустное лицо, слезки такие по щекам, губки надутые, и написала: «Имейте совесть, покормите голодную девушку, сволочи!». Обиженно посмотрела на оторопевших охранников, гордо вскинула подбородок и ушла к себе.

Через несколько минут в двери постучали.

Подошла, открыла — в коридоре стоял офицер с проседью в волосах. Улыбнувшись мне, мужчина сказал:

— Идемте в столовую, Элизабет.

Я все еще выглядела обиженной.

— И да, дайте вашу руку, — попросил он.

Молча протянула. Мне тут же надели браслет, после чего сообщили:

— Все, теперь вам не потребуется отгрызать конечности у офицеров, кровожадная вы наша. Идемте.

И я пошла. На моем месте любой бы пошел, так чего я должна была оставаться и голодать.

И что мне безумно понравилось — все перегородки теперь открывались сами.

— Тамран, — представился мне сопровождающий меня офицер.

— Элизабет, — смущенно солгала я.

— Да, — на меня искоса взглянули, — заточение странно на вас повлияло.

Изображаю смущение.

— Здесь налево, — учтиво сообщили мне. — Теперь прямо и снова налево.

Бывает так в жизни — идешь налево, приходишь в столовую.

— Присаживайтесь, — указав на ровные ряды столов и скамеек, предложил офицер Тамран.

Я неловко пристроилась за ближайшим столом.

— Что вы будете? — спросил мужчина, подходя к трем громадным агрегатам непонятного мне предназначения.

— Что-нибудь стандартное, — пискнула я, входя в образ.

— Элизабет, говорите нормально, — поморщился офицер.

Ну, сам нарвался. Я встала, подошла к нему, изучая, как оказалось, автоматы с едой. Здесь были картинки, посему я начала выбирать — креветки, моллюски, салат из морской капусты, и слоеные пирожки с шоколадом. Причем достаточно было всего нажать определенные кнопки, правда чтобы заполучить креветок, пришлось попрыгать, дабы попасть — тайремцы в основе своей вееесьма высокие ребята, так что, не выдержав, попросила:

— Приподнимите, пожалуйста.

Офицер не говоря ни слова, подхватил за талию, без усилия поднял. Я добралась до заветной кнопочки!

И через пару секунд все выбранное оказалось стоящим на подносе уже на тарелках!

— Счастье есть! — резюмировала я.

И захватив поднос, устроилась за столом, приступив к обеду.

Офицер, сев напротив, некоторое время наблюдал за тем, как я ем, после задал вопрос:

— Чем намереваетесь далее заниматься?

Это был интересный вопрос. Отрывая очередной креветке голову и снимая с мяса панцирь, я задумчиво спросила:

— А что у вас тут есть?

Поразмыслив, мужчина произнес:

— Бассейн.

— Да! — тут же заявила я о своем согласии на счет купания.

— Мм, сад для пробежек.

— Да! — несколько дней вынужденного безделья сделали меня вообще на все согласной.

Улыбнувшись, мужчина несколько секунд изучал меня, и на его смуглом лице нельзя было прочесть, о чем он думает, затем провокационно произнес:

— Через час начнется игра между двумя командами, претендующими на звание лучших шейров армады...

— И можно поиграть с ними? — не поверила я.

Видимо было нельзя, но я так спросила, что офицер почему-то сказал:

— Вам все можно.

Это был потрясающий день — для начала я погоняла по кораблю, выпросив у офицера Тамрана спортивную обувь. Потом был заплыв в огромном, рассчитанном человек на пятьсот бассейне, который был весь один и только для меня. Потом гонка с Тамраном по саду, он бы выиграл, но я вовремя поставила подножку, и пока мужик пытался сохранить равновесие, пришла к финишу первой. Мой радостный визг поддержали все присутствующие в саду солдаты, у которых тоже была тренировка. Решили устроить забег...

На втором круге меня обошли все... На третьем я плелась в самом конце... На четвертом рухнула наземь, с воплем «У меня, кажется, нога сломана!». Все солдаты разом повернулись и помчались ко мне. Дождалась пока подбегут, вскочила и рванула к финишу.

Победа опять была вся моя!

За победным танцем военнотружущие тарейма наблюдали мрачно и зло, но в итоге:

— Да ладно, я же женщина, мне уступать полагается, — весело сообщила им.

Злиться перестали.

А игру, я к сожалению, пропустила, потому как, Тамран шепнул, что бассейн пока пустой, но через десять минут...

Соврал, гад! Я пока плавала, там матч начался и кончился.

А потом, когда офицер Тамран привел меня к моей каюте, я постояла, посмотрела на грустную мордашку, не удержалась и пошла за полотенцем и карандашом. В результате, на моей двери красовалась сияющая улыбкой мордашка, а под ней было написано: «Спасибо за потрясающий день, счастливая и сытая девушка».

И уснула я действительно самая счастливая на свете. Точнее уснула бы, но тут по двери кто-то поскреб.

Встала с кровати, выглянула — оказалось под моей подписью, кто-то дописал: «Пожалуйста», «Всегда рады помочь», «Забег в 5 утра. Разбудить?!».

Сгоняла за карандашом, написала «Да» и пошла спать.

В пять утра в двери постучали. Торопливо подбежала, открыла — там оказались смущенные моим видом трое солдат.

— Счас, я быстро! — заверила их.

И за минуту успела одеться, умыться, и даже кое-как собрать волосы.

Когда вышла, один из солдат спросил:

— Слушайте, Элизабет, а все девушки такие как вы?

— Нет, — честно ответила ему и добавила для конспирации, — только переводчицы. Бежим?

И вот раннее утро. Над садом имитируется рассвет. Тишь такая, только слышно как все бегут... позади меня. Я быстрее и они догоняют, я чуть медленнее — сбавляют темп.

Не выдержав, остановилась и прямо спросила:

— Вы чего, охренели?

Парни переглянулись, один из тех, что пришел меня утром на пробежку забирать, дернул головой и ответил:

— Да ну вас, Элизабет, один раз обогнали, так вы чуть ногу себе не свернули от обиды. К тому же у вас от злости лицо становится ярко-фиолетвым и плотоядные наклонности проявляются.

— Да-да, — подтвердил кто-то из толпы, — парни говорили.

И я обиделась. Нет, серьезно обиделась.

Гордо развернулась и ушла к себе. Когда подошла к двери, увидела надпись синим цветом: «Адмирал присоединится к нам за завтраком. Жду вас в столовой в семь».

А вот это уже стремно.

Сходила за полотенцем, коварно стерла все с двери, вернулась в каюту. За три минуты навела идеальный порядок а-ля «Здравствуй больница», ну такая старая больница, когда еще гелликсов не было. После сходила в ванную, нанесла раскрас, мимикрируя под офисный планктон неопределенного возраста, волосы в пучок, туфли и села сторбившись на постели.

В семь часов дверь открылась и я услышала:

— Доброе утро, Элизабет.

Голос архонта Дагрея поначалу был веселым, но уже к произнесению моего имени сник. После адмирал вышел, глянул на девственно чистую дверь, вошел, недоуменно посмотрел на меня.

Короче заложили, сволочи.

— Знаете, — замогильным голосом начала я, — кажется, я схожу с умаааааааааааа...

Стоит ли удивляться, что дверь тут же закрыли. С другой стороны, ага.

К счастью, коварный злодейский смех, раздавшийся после побега адмирала, никто не слышал. Напевая что-то веселое, я, точно зная, что архонт заявляется строго один раз в день, отправилась в душ. Долго мыла волосы, еще дольше возилась с маслом гамои, увлажняя кожу. Была еще мысль маску наложить, но за ней нужно было сходить в комнату- корзинка на столе осталась.

Закутавшись в полотенце, я шагнула в комнату и...

Замерла.

На моей кровати, в ожидании меня, вольготно разлегся архонт Дагрей, и носатый коварно улыбнулся, стоило мне появиться.

— Мег? — спросил он, улыбаясь шире.

— Да, — улыбнулась в ответ, — сокращенное от Мегера.

— Интересное имя, — заметил адмирал, продолжая пристально смотреть на меня.

— Не имя — позывной, дается в соответствии с характером.

Темные глаза чуть прищурились.

Откровенно говоря, я догадывалась, что в известность его поставят, но вот такого поворота событий как-то не ожидала. Вроде как играли же, а он оп и все карты на стол. Тогда к чему вообще все эти игры в неузнавание были?!

— Ясно. И как, — продолжил беседу архонт, — научилась? Улыбнулась и протянула:

— Освоила в совершенстве.

Хмыкнул, и, несмотря на явное недовольство, он поинтересовался:

— Продемонстрируешь?

Моя улыбка стала шире, и я спокойно спросила:

— С какой стати?

Архонт гибким плавным движением сел на постели.

— Милый, — улыбка становится запредельной, даже скулы заболели, — давай откровенно — ты меня не нашел ни «достаточно быстро», ни «быстро», ни вообще никак. А теперь пытаешься требовать чего-то там. Расслабься, малыш, в бордель сходи, что ли, а со мной тебе вообще ничего не светит, серьезно.

И с этими словами я вернулась в душ.

И двери прикрыла. И так, на всякий случай, расческой укрепила запор.

Стою жду развития событий. Минута. Вторая. Третья.

Тишина.

Не выдержав, все так же в полотенце, осторожно выглянула в комнату.

Пусто. Только на подушке какая-то записка.

Придерживая полотенце на груди, бесшумно прокралась, невольно наморщив нос из-за сладкого цитрусового запаха в комнате, взяла листок, развернула и прочла странное «Сладких снов, милая».

Странно, это вообще к чему было? Утро только-только наступило...

В следующую секунду голова стремительно закружилась и падая на кровать, последнее, что я подумала: «Вот гад!».

Глава 6

Интим

Странное состояние полнейшего оупения было первым, что я ощутила. Потом почувствовала и что-то легкое, что, скользит по телу от шеи вниз, касается груди, одной, затем второй, следует ниже... вырисовывает узоры на животе... еще ниже... Проходится вот прямо там, и я распахиваю ресницы. Обнаруживаю себя на громадной двуспальной кровати, под алым балдахином, в помещении, которое чем-то на дома аристократов древности походило.

— На самом деле нашел, — услышала я голос архонта Дагрея. — Во-первых, узнал сразу, во-вторых, даже доказательства найти труда не составило — деньга, которые заплатили пираты коменданту крепости за шесть кораблей, твой подчиненный перевел на ваши закрытые счета в Запретном секторе космоса.

Архонт перестал следить за пером, коим водил по моему телу, взглянул мне в глаза, улыбнулся и протянул:

— Жадность, Мелани, очень плохое качество для разведчика.

— Мегера! — поправила я.

— Мелани такое милое имя, и так тебе подходит, милая, — издевательски ответил архонт Дагрей.

Перо медленно движется вверх, вновь выписывая узоры по животу.

— Самое забавное, — тайрем наклонился, коснулся губами моей обнаженной груди, — что ты так и не поняла, насколько важная информация оказалась в этих загнувшихся предприимчивых ручках с ярко алыми ноготками. Кстати лак выбирал сам, лично.

Он придвинулся ближе, и стало ясно, что на мужчине одни брюки всего остались, а учитывая наличие влажных волос, кое-кто только из душа.

— Расскажу тебе одну историю, — он отложил перо и теперь по моему телу скользили сильные пальцы. — Жил был один наследник династии. И у него было очень славное детство, Мелани, то нянечка упадет с посиневшим вмиг лицом, то учитель вдруг окажется с дырой в груди и заваливается на парту, разливая свою кровь повсюду, а то в один день не проснулись родители... Борьба за власть, милая, удивительная вещь — в ней главная ставка жизнь, всегда именно жизнь.

Он взглянул мне в глаза, улыбнулся, и продолжил, лаская пальцами мое тело.

— И однажды мне надоело ждать удара из-за угла, я начал действовать сам — собрал тех, кому мог доверять, и начал убирать наиболее вероятных претендентов на власть. И покушения прекратились, их просто некому было заказывать. Но тут, вдруг, в один прекрасный день, кое-кто пытается сбить мой катер...

— Перепугался, да? — участливо поинтересовалась я.

— Разозлился, — парировал архонт. Улыбнулся, и продолжил: — И никуда не улетел. Я был на крыше ближайшего здания и с интересом наблюдал за вами. Увидел... тебя.

Склонившись ниже, и пристально глядя мне в глаза, прикоснулся к груди, сжал губами, медленно, чувственно коснулся языком...

— Выбью зубы, и заставлю их жевать кровотокающими деснами, — предупредила я.

Рассмеялся.

Лег удобнее, и, накрыв грудь уже ладонью, продолжил:

— В каждом грузовом катере на Франциске установлена фиксирующая водителя камера, — я похолодела, архонт улыбнулся.

— Вылез с предложением устроить дуэль погрузчиками, исключительно из желания понаблюдать за твоей реакцией. И поверь — это того стоило.

Вспомнила свою мимику в тот момент...

Резко выдохнув, пригрозила:

— Убью, сволочь!

— Но когда, — мужчина вдруг оказался на мне, упираясь локтями в подушку по обе стороны от моей головы и обняв ладонями мое лицо, — я увидел тебя, вышедшую из «Гламурной куропатки», я пропал...

— Да я и чувствовала себя общипанной курицей! — уворачиваясь от его поцелуя, прошипела разгневанно.

Рассмеялся, настигая мои губы и захватывая в плен. И от этого поцелуя я окончательно разозлилась, дернулась, пытаясь вырваться, и обнаружила, что у меня скованы руки. До этого даже не замечала — браслеты практически не ощущались.

— Ты была очаровательной шлюхой, — прошептал архонт, скользя губами по моей щеке к уху. — Нежной, испуганной, трепетной, безумно соблазнительной и совершенно невинной — коктейль, окончательно вскруживший мне голову.

И его тело, внезапно вдавившее мое в мягкую постель. Всего на миг, затем он вновь держал свой вес на согнутых руках, и, согревая мое ухо дыханием, прошептал:

— Одного понять не могу — почему ты похитила не меня?!

Нет ну надо же!

Я просто задыхнулась от возмущения!

— Seriously, — он приподнялся и заглянул мне в глаза, — я ведь больше знаю.

Поверить не могу!

— Ты что, обиделся? — потрясенно переспросила я.

— Угу, — он даже скрывать не стал. — Лежу, изображаю слабость и страдания, а ты, после таких поцелуев, взяла и уволокла Гроя. Он же тяжелый, я самых здоровых с собой взял, чтобы, так сказать, помочь тебе с выбором определиться! Кстати, я минут пять без движения лежал, в надежде, что вернешься.

Атас! Слов нет одни междометия...

— Ну, извини, — шокировано сказала я.

У меня шок.

— Извиняю, — Эрих наклонился, нежно поцеловал. — Но давай договоримся, впредь похищать будешь только меня. Идет?

— Ииидет...

И даже не знаю, что на это еще можно было сказать. Хотя один вопрос имелся:

— А когда тебя уже можно будет похищать?

Сделав вид, что серьезно задумался, архонт немного покачал головой, будто отчитывал, и с самой счастливой улыбкой объявил:

— Поздно, милая, надо было пользоваться моментом, когда шанс был. Теперь уже я тебя похитил, так что...

Кое-кто самым наглым образом устроился между моих ног.

— А к чему договор был? — мрачно поинтересовалась.

— Так, в качестве прелюдии, — нагло ответили мне.

— Сволочь! — честно охарактеризовала придурка.

— Да, — прошептал он, придвигаясь туда, куда не следовало бы. — И, кстати, в твоей каюте было двенадцать камер...

И взгляд такой, с намеком, а еще улыбка, медленно расплывающаяся в ухмылку. То есть пока я старательно изображала Элизабет, этот сидел, смотрел и потешался?!

— И к чему весь этот фарс был? — мрачно поинтересовалась.

— Честно? — Эрих потянулся, прикоснулся губами к кончику моего носа, и признался: — Я хотел,

чтобы ты в меня влюбилась.

Кое-кто лишился дара речи напрочь...

— Стокгольмский синдром и все такое, — улыбка архонта становится чуть мечтательной. — Смотри, ты вся такая испуганная пленница, и играла ты в нее потрясающее, я весь такой сволочь, но только с тобой внимательный и заботливый. Идеальная комбинация. По моим подсчетам, к двенадцатому дню заточения, ты бы призналась мне во всем сама.

Хрень несусветная.

— Так, допустим, — приняла я его вариант изложения событий, — тогда почему не продолжил и дальше играть в сурового, но справедливого похитителя?

Эрих сдвинулся, произнес «Хартэа», и у изножья кровати вспыхнул экран. И на этом экране отразился снимок того, как офицер Тамран поддерживает меня за талию, пока я тянусь к кнопке.

Следующий снимок — я бегаю с солдатами, веселая такая и счастливая. Еще один — офицер Тамран помогает мне выбраться из бассейна. Ну и утренние гонки с солдатами, где я впереди, они все сзади и вот сейчас я отчетливо поняла, куда они все смотрели...

— А вообще я не понял, — архонт выключил экран, — тебя кто похитил? Где ваш этот легендарный Стокгольмский синдром? И почему похищал тебя я, вел себя по правилам всех канонов, даже сделал вид, что слезы не переношу, а флиртовать ты начала с ними?!

Шок. У меня просто шок...

— Ну не знаю, — протянула потрясенно, — просто ты был такой милый, что издеваться над тобой стало как-то неудобно даже... И я не флиртовала ни с кем.

Темные глаза чуть прищурились, но не найдя в моем потрясенном облике и намека на ложь, Эрих нахмурился и спросил:

— Серьезно не флиртовала?

Возмущенно смотрю на него.

— Ааа, — выглядел архонт несколько недоуменно, — черт.

И лег рядом. Полежал, глядя в потолок, потом приподнялся, лег на бок, рассматривая меня. Подумал, в результате улыбнулся и заявил:

— Ну и ладно, так даже лучше.

— Как лучше? — не поняла я.

Мужская рука властно легла мне на грудь, затем медленно сползла вниз по животу, накрыла пные очень интимные места и Эрих сообщил:

— Вот так.

И тут, странное оцепенение, владевшее мной видимо вследствие усыпительного газа, стремительно ушло. И я осознала, что лежу голая! Я — голая! На кровати! И у меня связаны руки! Меня вообще наручниками к изголовью пристегнули! И я голая! Вся! А этот... этот...

— Без истерик, — внезапно предупредил этот.

Я рванулась, пытаюсь высвободить руки и поняла мало приятное — шартайские браслеты. Это вам не железо, где достаточно вывихнуть большие пальцы, чтобы высвободиться, это кожа, плотная, пропитанная синтетическим составом, стягивающаяся тем сильнее, чем активные попытки вырваться.

— Черт! — я взвыла, едва запястья сдавило. — Черт! Бракованный навигатор! Черт!

— Тихо-тихо, — меня мгновенно придавили к кровати, мои запястья архонт Дагрей сжал одной рукой, вторая с нежностью погладила по щеке. — Все хорошо. Мелани.

— Что хорошо? — заорала я. — Отпусти, придурок! Слезь с меня! Ты...

Он внезапно склонился и поцеловал. Я дернулась, меня просто трясло от ярости. А архонт целовал. Очень нежно, очень умело, даже не пытаюсь просунуть язык мне в рот — видимо понимал, что откушу нахрен, и это бесило еще больше. А потом большой палец его руки, удерживающей мои

запястья, начал осторожно поглаживать чувствительную кожу... Я замерла, всего на миг замерла, и ощутила его улыбку...

— Не смей! — прошипела, ощутив прилив убийственной ярости. — Вот просто не смей!

— Милая, — он вновь поцеловал, рука, удерживающая мое лицо, не позволяла отвернуться, и все так же продолжал поглаживать кожу на запястьях, — у тебя вообще мужчины были?

Вырваться я перестала. Даже не знаю почему.

— Ааа, — протянул архонт, затем губы его скользнули по щеке к уху и мужчина прошептал, — ну я так и понял.

И он резко встал. Потянулся за простынею, прикрыл меня всю, до шеи. Потянулся, разминая спину, отошел к столу, взял бутылку из толстого зеленого стекла, открыл, наполнил свой стакан. Затем, развернувшись ко мне, присел на край столешницы, не отрывая от меня взгляда, сделал медленный глоток, и поинтересовался:

— Почему?

Чувствуй себя неловко, решила ответить грубо:

— Понимаешь, мы всегда с позы на коленях начинали.

Эрих улыбнулся, сделал еще глоток спиртного и предположил:

— Откусывала прежде, чем дело до главного доходило, да?

Решила не отвечать.

Ситуация все больше бесила.

— Извини, это была шутка. Не очень удачная. Прости, — произнес Эрих, но улыбка у него становилась все шире.

— Ржать прекратил! — рыкнула я.

Хохотнув, архонт Дагрей посерьезнел, отпил еще несколько глотков и задумчиво произнес:

— С тобой будет весело.

Что?!

— В смысле? — облизнув пересохшие губы, спросила я.

— Не делай так, — попросил адмирал, и допил все из бокала.

Затем, поставив его на стол, вновь развернулся ко мне, скрестил руки на груди, и, глядя мне в глаза, без тени иронии произнес:

— Намереваешься вернуться на Гаэру?

— Элементарно, — не стала скрывать я.

— Нет, — спокойно сообщил он.

Сузив глаза от злости, внимательно смотрю на мужчину.

Эрих улыбнулся, и продолжил:

— Ты летишь на Тайрем.

Прозвучало весомо. Спокойно. Не как сообщение или фраза, а как данность. Как постановление суда, как приговор, причем из области «У вас рак. неизлечимая стадия».

Сузив глаза, пристально смотрю на архонта. Мужик продолжил, разглядывая переливающееся в бокале вино.

— У тебя будет приличное содержание, особняк в столице, особняк на берегу океана.

Взгляд на меня поверх бокала и насмешливое:

— Охрана.

— Тюремщики, — догадалась я.

— Можно сказать и так, — не стал отрицать адмирал.

И я поняла, что это все. Для него все. Жаль он не понял.

— Да-да, — усмешка, — я знаю, кто ты. В момент, когда я улизнул из ДТП, а твои полудурки растеряно повыскакивали, я смотрел на тебя — собранную, уверенную, решительно раздающую команды, и чувствовал, как все сильнее растет внутреннее напряжение...

— Там растет? — я указала глазами на области пониже живота.

— Там тоже, — улыбка стала чуть шире.

Самоуверенный гад, чем-то мне Хама напомнил. Только этот породистый. С эдаким налетом аристократической ленцы. Сколько ему? Тридцать, сорок, сорок пять? Такие чем старше, тем опаснее. Женат? Женат, седьмой архонт, а значит уже сто процентов имеется наследник и не один. Это ведь для них так важно — обеспечить себя наследниками, а вот после этого венценосная супруга остается забытой в родовом поместье, а высокородженный аристократ пускается на поиски приключений.

Я — очередное?

Судя по всему — да. Архонт и не скрывает этого. Об этом говорит его внимательный взгляд, это читается в чуть заметной усмешке, на это намекают натянувшиеся в определенном месте брюки. И слегка изогнутая бровь — жест, коим он отреагировал на мой пристальный взгляд, говорит о том же. Я игрушка, очередная игрушка... Интересно, сколько их у вас уже было, архонт?

— Мне это нравится, — Эрих усмехнулся, вновь сделал глоток вина, — обнаженная, скованная, но не сдавшаяся. Интригует твой взгляд, Мелани.

— Мегера, — спокойно поправила я.

— Тебе не подходит, — он допил все вино до дна.

— Ммм, — улыбка заиграла на моих губах, — я офицер разведки, милый, у нас каждое прозвище требуется заслужить.

Отставив бокал на стол, мужчина мягко, с грацией истинного аристократа, что учатся танцевать со сталью прежде, чем способны ровно ходить, приблизился к постели, лег на бок рядом со мной, и подперев рукой голову, прикоснулся пальцем к моим губам, затем медленно обвел по контуру и прямо спросил:

— Ты сверху, или снизу?

Не могу сказать, чтобы я против. Несмотря на ситуацию, несмотря на злость — тело, излишне остро воспринимающее происходящее из-за полускрытой обнаженности, реагировало на этого мужчину. И бесило именно это — архонт знал. Именно знал, что прикрытая простыней, я буду гораздо более беззащитна, нежели находясь полностью без одежды. Когда ты гол — напряжен, когда одет — более уверен в себе, но когда обнаженное тело от чужих взглядов скрывает лишь тонкая чуть холодящая кожу простынка — ломка стереотипов полная, и бешенный коктейль из чувства ранимости, стыда, уязвимости и сексуального желания... Бесит.

— Сними наручники, — холодно произнесла я.

Тайрем на просьбу отреагировал прикосновением кончиков пальцев к моим запястьям. Щекотно и бесконечно приятно одновременно. И даже это прикосновение вызвало волну тепла по телу. Следом озноб. И хотелось бы верить, что он не заметит, как напряглась грудь, выдавая мои эмоции. Но разве аристократов волнуют чужие чувства, эмоции, жгучий стыд, в конце концов.

Эрих улыбнулся. Самодовольно, с видом элитного самца, отчетливо знающего, как на него реагируют самки. Затем медленно, не отрывая взгляда от моих глаз, склонился к груди, кончиком языка, через простынь, коснулся одного напряженно торчащего соска, после медленно, и все так же глядя мне в глаза, прикусил губами второй.

— Холодно просто, — не сумела сдержаться я.

А следовало. Следовало тупо молчать и делать вид, что мне безразлично.

— Я понял, — подтвердил он мою ложь так, что сразу стало ясно — он действительно все понял.

Черт!

— Наручники! — задрожавшим от ярости голосом, потребовала.

— При одном условии, — он прижался лицом к моей шее, шумно вдохнул, поднялся выше и прошептал, лаская губами мочку моего уха, — поклянись, что не причинишь себе вред.

Смех вышел каким-то истерическим, напугавшим даже меня.

Оборвала себя волевым усилием, затем насмешливо поинтересовалась:

— А тебе причинять вред значит можно, да, архонт?

Он приподнялся, заглянул мне в глаза так, словно вывернул всю душу, кивнул, улыбнулся, и ответил:

— Попробуй.

Щелкнули застёжки. Он даже не прикасался к ним, но наручники расстегнулись, выпуская мои запястья. А Эрих ждал, предвкушающе улыбался и ждал. Для него все это было игрой.

Для меня тоже!

На выживание, правда, а вовсе не сексуальные игры, но я всегда предпочитала иметь дело с высокими ставками.

— Пусти, — потребовала, заглянув в холодные аристократические глаза.

Мягко соскользнул с меня, предоставляя полную свободу действий. Я бросила на него всего один взгляд, решительно сдернула с себя простынь, встала, ничуть не смущаясь отсутствия одежды. У меня за спиной три года в десантных войсках, а там нет деления на мужские и женские душевые. Нет и запрета на межличностные отношения — хочешь остаться чистой, умей драться. Я умела.

Медленно, расслабленно подошла к столу, отчетливо понимая, куда сейчас направлен взгляд архонта, взяла бутылку вина, крутанувшись, развернулась к Эриху. Мужчина продолжал лежать на кровати, но никакой вальяжности или ленцы в его облике более не наблюдалось. Напряжен. Напряжен настолько, что отчетливо обозначились канаты мышц, взгляд потемнел, и дышит архонт сейчас едва ли не сквозь зубы.

Хотел поиграть? Играем, малыш. Правда ты забыл об одном правиле — существуют ситуации, в которых мужской мозг отключается напрочь.

С самой невинной улыбкой села на край стола, изогнулась, опираясь на руку и прекрасно представляя, что сейчас представилось взору и так крайне возбужденного мужика. Подняла бутылку, сделала медленный глоток... Несколько капель вина пролились на грудь.

Он поднялся с постели неторопливо, но эту партию вела я и я заметила, как дрогнули от нетерпения широкие мужские ладони.

Ты ведь играл в благородного похитителя несколько дней, сдерживая желание, дабы получить полную эмоциональную разрядку от победы. Это расплата, малыш.

— Плохо скрываешь, — зло произнес он.

— Скрываю что? — еще один глоток вина.

— Торжествующий блеск в глазах, — продемонстрировал он полное понимание происходящего.

Даже не видела смысла это скрывать. Ты ведь умный, да?

Опытный, опасный, с инстинктами отточенными веками естественного отбора — аристократы выращивают себе подобных с рвением, сделавшим честь любому генетику. Но все равно мужик.

И я, не отрывая взгляда от его глаз, провокационно раздвигаю ноги чуть сильнее. Всего чуть-чуть... Как приглашение, от которого он уже не мог отказаться.

Архонт подошел стремительно, словно зверь, ринувшийся к добыче, но, и это делало ему честь, внимание уделил не тому месту, куда его столь бесстыдно пригласили, а смял мои губы поцелуем, напрочь лишая всех мыслей.

Видимо он тоже знал, что существуют ситуации, в которых женский мозг отключается напрочь.

И мозг действительно отключился... но не рефлексy.

Замах и отточенный удар.

Глухой стон и мужчина соскользнул на пол. А я, тяжело дыша и пытаюсь прогнать накатившую от его поцелуя тьму, еще несколько секунд сидела, пытаюсь прийти в себя.

Черт, вот это накрыло.

Спрыгнув со стола, я первым делом нашла нож, срезала веревку, удерживающую занавеси балдахина, связала мужчину, от которого до сих пор дрожали руки, по телу разливалось тепло, а внизу живота бушевал пожар. И сверхновая меня раздери — профессионально обматывая его голову с кровоточащей раной белым лоскутом простыни, я испытывала жуткое чувство сожаления, что нам не удалось заняться успокоением взбунтовавшихся гормонов.

И когда Эрих застонал, приходя в себя, первой моей мыслью было «А ну ее эту невинность!», но потом пришла и вторая «И он получит свою игрушку». А вот это было бы уже обидно. Оторвала еще один лоскуток простыни, запихала ему в рот, не удержавшись прикоснулась пальцами к его губам и...

Архонт пришел в себя.

— Упс, а я еще не закончила, — сообщила ему, и зафиксировала еще одним обрывком простыни собственно кляп.

И вернувшийся в осознанку аристократ, осознал себя, сидящим в изножье кровати, и фактически полураспятым, так как руки его были широко разведены в стороны и привязаны к ножкам кровати. Да-да, именно к стальным ножкам, и никак не браслетами, которые он каким-то странным образом умел молча и не прикасаясь расстегивать, а прочной золоченой веревкой. Варварские методы они вообще самые надежные. Архонт это осознал после трех решительных попыток порвать веревки. Мне, сидящей на его ногах, это доставило невыразимое удовольствие. Наверное, я садистка... впрочем, какая разница, все мы немного с прибабахом.

Эрих зарычал.

— Слушай, вот не нужно так делать, — попросила я, — мне и так трудно сдерживать собственное возбуждение.

Замер, только взгляд сделался совершенно ледяным.

Крышеснос основательный! Сажу на связанном мужике, чей взгляд готов убить на месте, и чувствую, как меня окончательно накрывает.

— Черт! — выругалась, осознав, что в очередной раз посмотрела туда. Вниз. — Прикрылся бы ты, извращенец.

И милостиво взяв оборванную простыню, обронила ее туда. Стало легче. Мне. Архонту вовсе нет — это стало понятно, едва ткань заметно приподнялась. Да, в этом мы с ним были похожи — лучше уж вовсе без одежды, чем прикрытые кое-как.

— Холодно? — сочувственно спросила я.

Естественно он промолчал. Но взгляд заметно потемнел.

С самой самодовольной улыбкой, поднялась, прошла за стол адмирала и начал планомерные поиски личного сейра архонта. То что он тут есть сомнений не было — Эрих же продемонстрировал мне экран явно подключенный к системе видеонаблюдения. Систему обнаружила достаточно быстро, подключение заняло чуть больше времени и к моему искреннему сожалению, оно было не уровня доступа адмирала.

— Предусмотрительный, — недовольно пробормотала я, глянув на мужчину.

Архонт рвал веревки. Молча, решительно, зло, и старательно скрывая происходящее от меня.

— Еще раз так сделаешь, повторно приложу бутылкой, — пригрозила совершенно беззлобно.

Впечатлился, дергаться перестал.

Но стоило мне вновь погрузиться в дебри информационной системы их космолета, как послышался треск. Неприятный такой треск невыдерживающей напряжения веревки.

Бросив на него укоризненный взгляд, встала, взяла заготовленную вторую пару отрезков, подошла, зафиксировала руки архонта еще и дополнительно. На Эриха было страшно смотреть. Точнее в его глаза. Правда страшно, меня даже передернуло. А еще как-то разом расхотелось заниматься с ним сексом.

— Какой-то ты страшный, — искренне призналась ему.

Закрыв глаза и откинул голову назад, явно борясь с приступом бессильной ярости.

Вновь вернулась за стол. То что на мне не было одежды не смущало совершенно, не до нее сейчас, да и поторопиться следует — мне не понравился взгляд тареймца, совсем не понравился. Связанные и осознающие свою беспомощность так не смотрят. Через три минуты нашла выход в ангар. Присмотрела ряд космолетов справа. Тех, что имели тяжелое вооружение и были способны пробить ворота ангара.

И почти сразу вновь услышала напрягающий лично меня треск веревки.

— Эрих, вот ты неугомонный, — быстро поднялась.

Веревки больше не было, в этом-то и проблема. Но обыскивая шкаф архонта, я с невероятным удивлением обнаружила чулки! Точно такие, какие купила себе на Франциске. Да-да, те самые, повышенной прочности.

— Для меня покупал? — поинтересовалась, обернувшись к мужику.

Ну конечно он промолчал.

— Так любезно с твоей стороны, — пропела я, подходя к нему с упаковкой.

Никогда еще не фиксировала связанного в третий раз, но рычание архонта меня позабавило.

Зато пока я исследовала его вещи, в поисках подходящих вещей для себя, более никаких звуков не издавал. Но когда я, полностью одевшись в висящие на мне шмотки тайремца, уже выходила из его спальни, раздался оглушительный треск. Судя по звуку, все четыре веревки он порвал разом, но...

Но там же были еще чулки.

Так что, шагая по коридорам корабля с браслетом на руке, я не особо торопилась, примерно представляя, сколько у меня в запасе времени. Его хватало. А вот тайремцам явно не хватало мозгов, если они решили, что два последних дня я развлекалась. Нет, весело было, скрывать не стану, но заодно я выяснила, что сегодня, вот прямо примерно сейчас, полуфинал по их игре с мячиком, а внутренней охраны на корабле нет, это бессмысленно упитывая, что корабль и так изолированное пространство, и единственный посторонний тут я.

Так что, беззаботно шагая по коридорам и секторам, я разве что песенки не напевала. Это и спасло, когда за очередной панелью, обнаружились трое офицеров. Они улыбнулись мне, я им, и мы разошлись, вполне довольные друг другом.

А вот ближе к ангару, пришлось проявить осторожность, но в итоге я пробралась, скрывшись в ящике с инструментами, которые ремонтники толкали к ангару, отвлекаясь на бурное обсуждение матча.

Выбор корабля был делом пяти минут. Взлом — еще минута. Тем более у меня имелся браслет, так что вход открылся сам.

Выезд на взлетную полосу всех присутствующих естественно крайне удивил, но прежде, чем они попытались принять меры, я включила громкую связь и сладко промурлыкала:

— Мальчики, через пятнадцать секунд стреляю по воротам ангара, и если вы, мои хорошие, не желаете прогуляться в открытый космос без скафандра... Ну вы же взрослые мальчики.

Они были взрослыми, а потому потратили эти пятнадцать секунд на активацию систем жизнеобеспечения.

Выстрел.

Ворота разнесло с грохотом, но не достаточно, чтобы я смогла вылететь. Неплохо у них тут с безопасностью все же.

Еще три выстрела, взлет.

Коммутатор в рубке управления сработал, когда я уже перешла на гиперскорость. Глянула на время — пятнадцать минут. Он потратил пятнадцать минут на то, чтобы высвободиться и даже успел одеться.

А мне на побег потребовалось тринадцать. Самодовольная полная торжества улыбка, была первым, что увидел архонт, едва я ответила на вызов.

Мужик сдержал ругательства титаническим волевым усилием, затем убийственно спокойно произнес:

— Мне известна конечная точка твоего полета, Мелани.

— Серьезно? — усмехнулась я.

А затем потянулась и связалась с Бадером по общегалактической открытой связи. Генерал ответил мгновенно, замер, взглядываясь в меня, и не стал задавать вопросов. Умен, за что и уважаю.

— Я в отпуск, шеф, — сообщила, улыбаясь.

— Какой отпуск? — уточнил Бадер.

— Декретный, — не могу перестать улыбаться.

Генерал хотел было что-то ответить, но связь прервали. Естественно прервали — это военный корабль Тайрема, общегалактическую связь здесь обрывают из центра адмиральского флагмана, то есть...

Меня сейчас не только Эрих слышит.

— Ты не беременна, — прошипел архонт.

— Конечно, нет, — обворожительно ему улыбнулась. — Как я могу быть беременной, если ты отказался от секса, мотивируя это приступом головной боли?

Архонт резко яростно выдохнул.

— А после, — продолжила я, — связал себя, уселся на пол, и потребовал от меня наказать тебя, плохого мальчика. Эрих, ты мазохист, да?

Где-то на заднем фоне послышались смешки, и адмирал понял, что наши переговоры не являются достоянием только нас двоих.

Но все равно ответил:

— Нет.

Я перестала улыбаться и с чеканной угрозой проговорила:

— А если нет, не советую больше становиться на моем пути, седьмой архонт.

Его взгляд стал холодным, как ночь в ледяной пустыне.

Усмехнувшись, честно призналась:

— Ты мне понравился. В другой ситуации и при иных обстоятельствах, я бы с радостью устроила себе праздник в твоих объятиях. Но спать с мужчиной, отчетливо осознавая, что мной банально пользуются — перебор. Все или ничего, Эрих, ты сам такой же — предпочитаешь быть или одетым, или голым, но никак не прикрытым простышкой, ты меня поймешь. Прощай, архонт, ты был для меня самым чудесным приключением.

И я отрубила связь.

А в душе вдруг невероятным образом поселилась тоска. Самая настоящая, душащая, вынуждающая задыхаться от нежелания жить тоска.

Нет, я отчетливо понимала, что следующие несколько месяцев мне будет безумно весело — Декретный отпуск это кодовое название Деранской группировки, в которой уже сгинуло семь наших специалистов. Заняться ею я планировала давно и сама, в таких условиях выживает только одиночка, но... Но вместо предвкушения от опасности, от танца перед дулом джарры, сейчас я испытывала только одно — совершенно беспричинную грусть. Даже не сомневаюсь, что справлюсь с заданием, и в том, что вернусь не сомневаюсь тоже, вот только... моя квартира так и не стала мне домом. И у меня ни семьи, ни родных, ни даже отношений — разве может позволить себе отношения разведчик, прекрасно зная, что это автоматически делает невыездным с Газры его пассию? Ограничивать кого-либо я не хотела, потому и прикипела тогда к Хаму, потому и запретила себе связи, после разрыва с ним.

Глава 7

Деран

Здесь никогда не было солнца — туман, серый, промозглый, плотным кольцом обнимал задыхающуюся планету. Такой же холодный и серый, он струился между высотками, на единственном обжитом острове — все остальное было покрыто болотом, коему отсутствие солнечного света вовсе не мешало жить собственной жизнью. Говорят, в Деранских болотах есть места, в которых огромные черви кишат белесым скопом... Что ж, у меня от всего этого мирка было именно такое ощущение.

Вытерла нож, подошла к краю здания, заглянула вниз — серая, беспросветная мгла внизу, говорила о том, что город сейчас переключится на дневное освещение, а значит, мое время подходит к концу.

— Место? — устало потребовала ответа я.

— Ты сдохнешь, девка! — рык, в котором за агрессией скрывается отчаяние.

Отчаяние, потому что я не одна — троих наших удалось разыскать и вытащить. И мы планомерно убрали главарей группировки, выполнив задание. А вот с отлетом у нас не вышло, точнее — я и не пыталась, узнав, что агентов, причем всех семерых что сгинули на Деране, брали как раз во время отлета. Гребанные особенности планеты — вылет возможен только из одной точки, и космопорт группировка держит под более чем пристальным вниманием. Особенно сейчас, когда мы разворовали это осиное гнездо.

— Кончать его? — спросила Блондя.

Спросила беззлобно, скорее устало. Я оглянулась на эту некогда хрупкую высокую блондинку, ранее одну из самых красивых в нашем подразделении. Сейчас в ней мало красивого осталось — исполованное белесыми шрамами лицо, дырка от кольца, которое вдели в ее губу, порванная ноздря... Все это наши спецы исправят вмиг, большинство повреждений залечит гелликс, а вот глаза... В глазах девчонки было что-то страшное, пугающее даже меня. Испугавшее меня в тот миг, когда я нашла Блондю в одном из борделей Дерана. Да, взяв бывшую любовницу в космопорту, и обнаружив при ней сканы всех его счетов и деловых переговоров, Избагар не церемонился. Мы не церемонились с ним — ублюдка убрали первым.

— Может, попытаемся захватить корабль Дерьма, и свалим на нем? — предложил Бугай.

Сейчас разведчик как и я был одет в черный костюм, а когда я его нашла... В бойцовской яме сражались без одежды, и правил боя никаких не существовало — дрались на выживание. А когда хозяевам нужно было, чтобы боец проиграл, его попросту переставали кормить. Бугая держали без еды и питья два месяца. Даже не хочу думать, что он ел, но догадываюсь — в процессе боя можно не брезговать и человечинной. Бугай выжил. Исхудал, осунулся, вид затравленный, но выжил.

Поглядев еще раз на нашего пленника, отрицательно покачала головой — Дерьмо он и есть дерьмо, в преступных группировках как и у нас имена дают не просто так. И Дерьмо был шестеркой, шавкой, чей корабль явно не располагал боевым оружием достаточной мощности, чтобы противостоять огневым позициям космопорта.

— Мегера, — подал голос Шнур, последний, кого мне удалось вытащить. Последний выживший.

Ему повезло — умный. Более того гений технологий связи, именно поэтому не покалечили и не убили. Но работать Шнуру пришлось 24 часа в сутки, с присоединенной капельницей к руке, и на постоянной подпитке стимуляторами. Я догадывалась, что Шнур теперь потенциальный наркоман, а он просто знал. Вылечат ли его? Не уверена. Но лучше так — от остальных четырех я нашла только части тел... говорить команде об этом не стала.

— Обнаружили? — спросила я.

— Нет, еще нет, но это дело времени — кольцо поисков сужают. Сужают. Что ж, у них семь тысяч бойцов, нас четверо.

Прорвемся ли?

Может и сумели бы, будь внешняя поддержка, но еще один затык Дерана — выйти на общегалактическую связь невозможно. Спутники здесь бесполезны, сигнал не проходит, а единственное место доступа к связи — космопорт. И нас там ждут с нетерпением...

Тупик?..

— Убирай, — скомандовала я Блонде.

На хрип Дерьма никто из нас не обернулся. Блондя знала свое дело, а смотреть, как обрывается очередная жизнь удовольствие из малоприятных.

— Мегера, — Бугай подошел, встал рядом со мной, — идеи есть?

Лучшей идеей сейчас было бы залечь на дно. Но эта тактика работает только на тех планетах, где есть централизованная власть и нет особо развитой преступности, а тут... Нас сдаст любой первый встречный — бездомный, калека, нищий, проститутка, ребенок, клерк. Все. Там, где за молчание или невнимательность жизнью платят все твои родные, стукачество доходит до апофеоза.

— Обнаружили, — провозгласил Шнур.

Молча нажала на сенсорную панель сейра.

Земля содрогнулась, воздух задрожал, грохот от взрыва оглушил на несколько секунд. И соседняя рядом с нами вышка начала складываться карточным домиком.

Второе нажатие. Взрыв. Столп огня взвившийся к небесам, и... я даже глазам не поверила, на миг рассеявший туман...

В голове вспыхнула сверхновая. Зажглась, огоньком идеи...

— Шнур, — позвала я, — подготовь отправку сообщения для Борга.

— Нужно уходить, — не согласился спец. — У нас осталось три заряда...

— Шесть, — поправила я, и добавила, — всегда страхуюсь.

— Даже так... — начал было он, — в любом случае отправлять сигнал бессмысленно.

— Исполнять! — отрезала я. — Текст сообщения «Плато Шейтон, время 19.22. число девятое по общегалактическому. Количество — четверо». Готово?

— Да, — Шнур не терпел приказного тона.

— Отправка по моему сигналу, — на меня вдруг снизошло абсолютное спокойствие. — Сейчас!

И я активировала сразу шесть зарядов.

Громыкнуло так, что из нас на ногах не удержался никто, но Шнур сработал профессионально — сообщение ушло. Действительно ушло, вместе с огненным грибом прорвавшись сквозь пелену тумана. И вскинув голову, мужчина посмотрел на меня с немой, но нескрываемым восхищением.

— А вот теперь уходим, — приказала я.

Но на этом наше везение закончилось — никто не планировал активировать столько зарядов сразу. А архитектор, строивший эту высотку, не планировал, что здание подвергнется подобным испытаниям.

Перекрытия не выдержали и покрылись трещинами, сама высотка задрожала, словно хотела сообщить, что сейчас опадет грудой ломанного бетона.

Блондя прыгнула первая. За ней Шнур, следом прикрывая Бугай. Я, как командир, контролировала отход отряда, и просто не успела... не хватило доли секунды... не хватило одного вдоха... Да и заряд парализатора по мне выпустили очень профессионально — прямо в позвоночник.

Больно, как же нестерпимо больно...

Глава 8

Снова плен

Пришла в себя дважды — первый раз очнулась от того, что кто-то пытался сорвать с меня одежду. Не кто-то — трое. Среагировала привычно, результат нападающих — сломанная гортань, выбитая челюсть, свернутая шея и меня вырубил... снова выстрелом парализатора. А ведь даже глаз не открыла, не успела просто — веки будто свинцом налились.

Второе пробуждение было болезненным — пришла в себя от того, что безумно ныли руки, прикованные цепями к стене. И только потом поняла — из бессознательности вырвало не это, а голос.

Голос, который смутно что-то напоминал. Но вслушаться в смысл слов не успела, заговорил другой — Дуло, временный главарь трех банд Дерана:

— Да-да, понял, не трогали, и как к женщине не прикоснулись. Тех троих схватить не успели — спасательные капсулы забрали их прежде, чем мы...

Щелчок. Собеседник Душа отключился.

Я же, чуть приоткрыв глаза, осмотрела себя — одежда на месте, скула болит, в голове шумит, руки словно пекут огнем.

— Шеф, она приходит в себя, — сказал кто-то.

Вскинула голову, пристально посмотрела на мужика в белом халате, осматривавшем труп на полу. Смутно припомнила драку.

— А ведь предупреждал — не лезть, — в сумрачное каменное помещение вошел толстяк с тремя подбородками давно оплывшей талией.

Дуло. Кличку получил за привычку пытаться всунув дуло пистолета в рот жертве. Или не рот, когда-как.

— Сука, — поприветствовал меня главарь.

Медленно встала на нош, руки мне за уменьшение веса были благодарны. Глянула на цепи — стандартные железные браслеты. Дилетанты.

— Двое мертвы, — отчитался мужик в белом халате.

Дуло взглянул на меня с уважением, коего сложно было бы ожидать, и в то же время растянута толстые губы в улыбке, и обнажив гнилые зубы просветил, на счет моей дальнейшей судьбы:

— Сдохнешь, сука.

Сдохну. Возможно. Минут через пять-десять, а пока нужно прийти в себя. Нужно быстрее прийти в себя.

Сжала зубы. С силой. Так что треснул один из коренных, причем фальшивый, вгоняя в десну стимулятор. Глухо застонав, откинула голову назад, переживая момент феноменальной боли. Активация — штука мало приятная.

— Да ладно, расслабься, — неправильно понял мое состояние Дулю, — смерть тебе пока не грозит. А за этих уроков я даже благодарен — хорошо, что не дала поиметь себя. А то аристократ бы обиделся.

Его слова медленно хлопьями осели на дно моего сознания.

Вспышка.

Осознание.

И распахнув глаза, я хрипло переспросила:

— Что?!

Ответить Душо не успел — распахнулась дверь, и я увидела холодный злой взгляд темно-серых глаз.

Черт!

— Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! — не сразу поняла, что пробормотала это вслух, ударившись головой о стену, в стремлении просто не встречаться взглядом с седьмым архонтом.

Но адмирал подошел, схватил за подбородок, взглянул мне в глаза, и холодно спросил:

— Стимулятор зачем вкололи?

Пауза, сжавшийся под ледяным взглядом аристократа Дулю, вошедшие следом за архонтом офицеры молча вытащили оружие.

— Мммы нннне вкалываллли, — пробормотал перепутанный главарь.

Два выстрела. Сухих и почти бесшумных. Пожалела ли я ублюдка? Нет. Даже на мгновение — нет. Разве можно жалеть тварь, у которой в подвале коллекция отрезанных голов? Вот-вот.

Архонт вновь посмотрел на меня. Прямо в глаза. Словно в самую душу. Усмехнулся и предупредил:

— Только дернись.

Дергаться? Нет, я очень даже плавно сместила большие пальцы на руках, освобождаясь из браслетов и... едва не упала. Два выстрела из паралитизатора сказались в самый ненужный момент.

— Предупреждал. — бесстрастно произнес архонт.

Укол.

Мрак.

Тишина.

Эта совершенная, абсолютная тишина потрясла настолько, что некоторое время, придя в себя, я лежала и просто пыталась услышать хоть что-то. И только после открыла глаза.

Мутное белое стекло удивило уже меньше, чем абсолютная тишина, а вот силуэт, проступивший в очертаниях, выглядел пугающим.

Щелчок.

Полукруглая панель медленно открылась, демонстрируя мне медотсек, и стоящих рядом со мной двух мужчин. Один из них был архонтом, второй офицером Тамраном. Не улыбнулся ни один, напротив — смотрели с плохо скрываемой яростью.

— А я не просила меня вытаскивать с Дерана, — хрипло произнесла, вместо приветствия.

— Я не вытаскивал, я перекупил, — холодно ответил Эрих.

Села, обхватив голову руками. Г олова раскалывалась, просто раскалывалась.

— Надо запомнить, — глухо простонала, — и никогда не вести с тареймцами торговых дел. Знаешь, как бы при покупках обычно деньгами обмениваются, а не убивают продавцов.

И вот тут заметила браслет. Один. Белый, эмалированный, с золотой вязью непонятных мне символов. Украшение? Захухрень чернокосмическая, они оставили меня в грязной местности порванной одежде, зато украшение нацепили?! Это мужской юмор такой?!

Недоуменно посмотрела на архонта, и удивление было столь сильным, что даже голова болеть перестала.

— Знаешь что это? — сухо осведомился аристократ.

— Нет, но мне было бы безумно любопытно узнать.

Офицер Тамран молча отвернулся, демонстрируя все свое неодобрение, а вот аристократ неожиданно улыбнулся. Не добро, нет, и вовсе даже не ободряюще.

И ответ его прозвучал хлестким ударом:

— Браслет. Брачный.

Штуковина вдруг резко стала мне мешать и появилось непреодолимое желание отпилить ее, вместе с рукой даже можно — гелликс все равно все восстановит. И...

Архонт неожиданно склонился надо мной и зло выдохнул:

— Все или ничего, Мэг, ты ведь этого хотела? Но ты не права, мы не похожи, потому что ты не выбираешь ничего, а я всегда предпочитал все. И исключительно для общего развития, девочка, я перекупил тебя не у главаря деранской группировки, а у правительства Гаэры. Добро пожаловать в реальный мир, Мэг, где все покупается и продается. Тебя я просто купил. Наслаждайся.

Он выпрямился, с ненавистью глянул на меня, развернулся и вышел. Вышел как правитель — держа спину прямо, плечи расправленными.

Со мной остался офицер Тамран, именно он и произнес:

— Документы, подтверждающие ваш переход под юрисдикцию Тайрема, рапорт об увольнении со службы, личное дело и свидетельство о лишении вас гражданства Гаэры в вашей каюте. Идти сможете?

Не смогла.

Медленно легла обратно в капсулу, закрыла глаза.

А больно... Как же чертовски больно... Как же...

— Раскрытых агентов продают часто, Мелани, — с неожиданным сочувствием произнес вдруг офицер Тамран. — Особенно если у них нет семьи и родственников. Как у вас. Сумма сделки была астрономической, но не для дома Дагрей. Идемте, от того, что вы будете лежать здесь, лепте вам не станет.

Молча подняла левое запястье, демонстрируя браслет и глухо спросила:

— Ладно — купил, а это зачем?

Мужчина ответил не сразу. Молча посмотрела на него, и только тогда Тамран заговорил:

— Адмирал Дагрей — седьмой архонт. Не просто аристократ — архонт. Для них честь превыше всего. Вы же откровенно унизили адмирала дважды. Подобное простительно для жены, но не для случайной временной любовницы. Архонт был вынужден взять вас в жены, чтобы сохранить лицо. Несомненным плюсом послужила ваша невинность, впрочем — в данной ситуации она не играла роли. Сейчас армада держит путь к Тарейму, где ваш брак будет подтвержден старейшинами. От вас потребуется немного — рождение как минимум двух детей и безукоризненная верность архонту.

— Как долго? — спросила я, интересуясь временем полета.

— Всю жизнь, — последовал ответ. — Других мужчин у вас не будет.

Не поверила. Действительно не поверила. Бред, просто бред. Это однозначно бред!

Но все подтвердилось в моей каюте. Все той же, где я в первый раз была пленницей. Теперь являлась ею без шуток — впустив меня внутрь, офицер Тамран запер дверь. Шутки кончились, да?

Как оказалось — да. На столе меня ожидала папка, в которой содержались даже не копии — оригиналы всех документов. И подписи... Бадера, министра...

А еще имелось одно маленькое короткое сообщение от Хама в котором содержалось всего одно слово «Подстава».

Расплакалась я в душе, сидя на полу и обхватив плечи руками.

Было больно. Так больно, что невозможно вздохнуть. Просто больно. Очень. И ведь Хам своего добился, он теперь зам Бадера.

А я, согласившаяся на задание, от которого он так старательно отнекивался здесь... без права восстановления на службе.

Больно...

Больно от того, как провел. Как подставил. Ведь кто-то вывел тареймцев на личного водителя посла Эгнера. И этот кто-то взял, и заменил меня в «официальной» поездке. Я ведь поверила, в порядочность его поверила, а он...

Внезапно душу затопил гнев! Безудержный, неудержимый гнев. Гнев настолько сильный, что высохли слезы, а рассудок... наверное в этот момент я не могла рассуждать здраво.

Резко поднявшись, завернувшись в полотенце и с мокрыми волосами, с которых по спине потекли

струйки холодной воды вышла в каюту. Несколько секунд стояла молча, потом, загнав гордость так глубоко, что хрен отыщешь, позвала:

— Эрих.

Больше не звала. Если услышал — придет, а нет, будет время успокоиться и еще раз все обдумать.

Времени архонт Дагрей мне не предоставил — вошел спустя минуту. Остановился на пороге. Затем сходил в душ, вернулся с полотенцем, накинул мне на мокрые волосы, промокнул, закутал влажные пряди, и только после этого, устроившись на стуле так, словно это было кресло, или даже трон, холодно спросил:

— Что?

Глядя в пол, стыдно было настолько, что глаз не поднять, я тихо попросила:

— Отпусти меня...

Горло сжало спазмом. Мет, я понимала, что навсегда не отпустит, но мне не нужно всегда, мне неделя, максимум и...

— Назови имя.

Вскинув голову, удивленно посмотрела на него. Эрих усмехнулся и повторил:

— Назови мне имя, Мэг.

И я вдруг поняла, что он больше не зовет меня Мелани, для него я теперь только Мэг, почти что Мегера, разве что вслух он этого не произносил.

— Мне нужна неделя, — севшим голосом произнесла я.

— Я сказал — имя, — с арктическим спокойствием произнес архонт.

И фактически это было приказом.

Промолчала, не скрывая собственной ярость.

Эрих кивнул, с усмешкой продемонстрировавшей все, что он думал о моих мыслительных способностях, подтянул к себе папку, сразу посмотрел на записку с одним единственным словом. Взглянул на меня, искренне сожалеющую, что я не порвала на мелкие кусочки проклятую бумаженцию, едва прочтя.

— Мне нужна неделя, — повторила мрачно. Затем, дрогнувшим голосом добавила: — И я клянусь, что буду тебе самой верной и преданной женой всю жизнь. Что я никогда и никуда...

— Достаточно, — оборвал архонт Дагрей.

Величественно поднялся и молча вышел.

Не верила в это до того момента, как раздался щелчок замка.

Даже к двери повернулась — пусто.

Сжав кулаки, несколько минут стояла, зажмурившись и ненавидя весь мир, а потом пошла спать. На Деране толком не получилось. Проснусь, буду думать.

Эриха — ненавижу.

Глава 9

Свадьба

Тайрем встретил меня солнцем, белоснежными, плывущими по темно-синему небу облаками и ледяной улыбкой архонта Дагрея, которого я увидела впервые за истекшие почти три недели полета. Я была счастлива. Эрих был счастлив. Мы смотрели друг на друга как дуэлянты, собирающиеся вцепиться друг другу в горло, но на самом деле собирались пойти к алтарю.

Я была в белом платье и белых кандалах на ногах, что делало мою походку изящной, а шаги маленькими и осторожными. Седьмой архонт Тайрема выглядел куда проще — белый костюм с золотыми эполетами и отсутствие каких-либо украшений.

Криво улыбнувшись мне, Дагрей прошипел моим конвоирам:

— Не стоило.

Офицер Тамран и офицер Гран переглянулись, высказался Тамран:

— Она же сейчас рванет.

Рвану-. У меня невестенский мандраж, усилившийся после событий сегодняшнего утра. Нет, из корабля меня не выпустили даже по прилету, но вместе с семьей тайремскими женщинами переодеть меня для свадьбы, прибыла бывшая невеста Эриха. Аристократка, дочь второго архонта, виртуозно владеющая искусствами метания ножей как правой, так и левой рукой.

Я восхитилась. Нет, правда восхитилась, ловя клинки на стул, коим прикрывалась, но даже искреннее восхищение не помешало мне настичь девицу, приложить разов пять лбом об пол, а после этого попыталась мирно побеседовать, держа остальных женщин под прицелом последнего метательного ножа, коей я извлекла из тайника покушенки.

Жаль разговора не вышло, открылась дверь, вошла суровая женщина, лишь мазнувшая взглядом по моему лицу, оставляя там не мысли — обрывки мыслей, после сухо спросила не у меня:

— Кто впустил герру Дгар?

Ей никто не ответил, но тишина вмиг стала напряженной. Эта же женщина усмехнулась столь знакомой мне усмешкой, и произнесла:

— По двадцать плетей каждому.

Я уловила лишь тень, почтительно склонившуюся в коридоре позади этой раскомандовавшейся. Но дальше мать Эриха произнесла:

— Мне искренне жаль, что брак между моим сыном и гаррой Дгар не состоялся, но это не означает, что я потерплю покушение на... — а вот дальше она не продолжила.

Допустив паузу, которая продемонстрировала все отношение аристократки ко мне. Но мы не гордые, мы смотрим в суть вещей. А суть я уловила! И стремительно развернув девицу с разбитым носом и окровавленным лицом, потрясенно спросила:

— Ты невеста этого который Эрих?

Аристократка, подвывая, кивнула.

— Так чего сразу не сказала? — возмутилась я. — Я бы тебя и пальцем не тронула, подруга. Потому что мне эта свадьба поперек горла!

Гарра вытаращилась на меня.

— Замуж за придурка хочешь? — уточнила на всякий пожарный.

— Шикарно, — мне вообще с самого начала этого путешествия сообщник требовался, но со мной вообще никто не говорил. — Значит так, я сейчас вырубаю всех, ты поднимаешься, гоним в медотсек, подлечиваем твою мордашку, потом сбываем тебя Эрихону, чтоб его космосом приложило. Идет?

Девушка кивнула.

— Божественно, — с нескрываемым сарказмом произнесла мать архонта.

Выстрел парализатором оказался полнейшей неожиданностью. Лучше бы она ножами кидалась!

Девуцу вывели из каюты два крепких офицера.

А дальше меня подняли, поставили, как им нужно было и начали обряжать. Парализатор оказался совершенно мерзким — я все осознавала, меня беспрепятственно двигали, но пошевелить чем-либо самостоятельно оказалась не в силах. Где-то через полчаса, когда в мои заплетенные волосы втыкали сверкающие звездочки заколок, смогла пошевелить мизинцем. Осторожно, едва заметно...

Свекровь наградила повторным выстрелом из парализатора. Спокойно, совершенно хладнокровно, без каких либо угрызений совести. Грымза! И то спокойствие, с которым она выстрелила, говорило лишь об одном — виновата в ситуации я. А гримза просто исполняет свой долг. Только долг и ничего большего.

«Бизнес и ничего личного».

Черт!

Примерно еще через полчаса меня начало вновь отпускать. К этому времени они успели даже макияж наложить.

— Единственное, что радует, — женщина поднялась, — мои внуки будут красивыми. Не в обиду дочерям архонтов, но аристократки на Тайреме мордами все больше напоминают лошадей. Породистых, естественно, но кобыл.

Сколь лестное мнение о своих же, я просто в восторге.

А еще меня трясло. Основательно, ощутимо трясло — я сейчас никто, тень без гражданства, для меня все миры открыты, а у тайремцев гиблая привычка вживлять чип своим гражданам, вживлять качественно, так что не вытащишь, а после заключения брака я автоматически обзавожусь гражданством!

И вот против вживления чипа я была готова бороться до последнего.

До последнего не вышло — первым же встреченным офицером, у которого я планировала стянуть браслет, для открытия перегородок, оказался Тамран. Короткая схватка и он за шею, осторожно, прижал меня к стене. Осторожно, это чтобы макияж не испортить. Пришлось перетерпеть. Но сдаваться никто не собирался.

— Мелани, — глядя на меня холодными серыми глазами, позвал Тамран.

Взглянула на него с ненавистью, услышала:

— Вам очень идет это платье.

Челюсть отвисла самостоятельно. Мужики!

— Вы успокоились? — продолжил офицер.

— Конечно, — ответила я.

Я вообще была предельно спокойна, после двух выстрелов парализатором. Подошла ведьма которая мать Эриха, посмотрела на меня, и произнесла:

— Кандалы.

Ноги сковали за мгновение. Не могу сказать, что я не сопротивлялась. Напротив, дралась молча и отчаянно, просто их было больше и они тайремцы. В итоге, под конвоем двух офицеров меня провели в ангар, там усадили в катер, пристегнув к креслу иковав руки, только после это пилот, все время косящийся на меня, получил приказ взлетать.

Летели долго — а видеть я ничего со своего места не могла. Да и не хотела, достаточно было того, что яркое солнце заливало кабину катера. Догадываюсь, что на Тайреме жарко. Впрочем, это подтверждало и мое одеяние — босоножки на высоком каблуке, в которых украшением смотрелись мои выкрашенные в розовый ногти на пальцах. Белое длинное платье, легкое, струящееся по телу, под которым имелось лишь тонкое белье, перчатки без пальцев, чуть выше локтя, диадема в полураспущенных волосах, которым вернули естественный цвет, и макияж, который мне не дано было увидеть.

А потом катер пошел на снижение, приземлился, открыли люк и вывели меня.

И да — Тайрем встретил меня солнцем, белоснежными, плывущими по темно-синему небу облаками и ледяной улыбкой архонта Дагрея, которого я увидела впервые за истекшие почти три недели полета. Я была счастлива. Эрих был счастлив. Мы смотрели друг на друга как дуэлянты, готовые

вцепиться друг другу в горло, но на самом деле собирались пойти к алтарю.

А потом с меня сняли кандалы, пока архонт Дагрей поддерживал. И когда меня освободили, Тамран поднялся, и сухо повторил:

— Она сейчас рванет, Эрих.

— Я не бомба, — не выдержала обсуждения меня в моем же присутствии. И добавила, — но, рвану.

Архонт молча но крепко взял меня за руку и вдруг улыбнулся. Он стоял, смотрел на меня, скользя взглядом по прическе, глазам, лицу, шее, даже линии декольте, а платье было достаточно открытое, и вновь вернувшись взглядом к моим глазам, выдохнул:

— Ты очень красивая. Самая красивая из всех невест, что мне доводилось видеть.

Вскинув голову, я недоверчиво смотрела на него секунду... вторую... третью... На его надменное аристократическое лицо, с тонкими чертами в которых читалась порода. На его губы, с легкой сетью морщинок, выдававших любовь к презрительным ухмылкам. В его голубые глубоко посаженные умные глаза, которые словно видели меня насквозь... И было до умопомрачения обидно, что я здесь, что...

Слезы по щекам соскользнули сами. Мне было стыдно за них, безумно стыдно, но они все равно были, как ни противно оказалось демонстрировать свою слабость перед врагами. А мне здесь никто не друг.

— Мэл, — голос архонта Дагрея дрогнул.

А я продолжала смотреть на него, без ненависти, с обидой и болью...

— Мэл, — Эрих протянул руку, коснулся моей щеки.

Молча отвернувшись, сжимая кулаки так, что ногти впились в кожу, и, пытаюсь сдержаться. Еще не хватало, чтобы они меня слабой увидели. Не дождутся!

— Мэл, посмотри на меня, — прозвучало тихо, почти шепотом.

Но это был приказ.

Вскинула голову, посмотрела. Архонт Дагрей улыбнулся как голодный лев, которого давно не кормили, и произнес:

— Я решил твою маленькую проблему, замом Бадера назначен Стем. Довольна?

Потрясена. Потрясена настолько, что едва устояла.

— Далее, — глаза чуть прищурились, — чип мы вживили в тебя еще на корабле, вспомни капсулу в медотсеке.

Я задохнулась, как от удара под дых, но устояла. Устояла, стараясь не показать, каким ударом для меня стала эта информация.

— Приятно видеть, что ты все осознала, — лев голоден и не считает нужным это скрывать.

И архонт восхитителен настолько, что хочется впитаться ногтями в его лицо и...

— И последнее, — Эрих медленно склонился к моим губам, едва ощутимо прикоснулся и добавил, — управление сделало капитана Рего козлом отпущения, скинув на него вину за действия против Тайрема, я как обиженная сторона, должен сегодня принять решение по поводу его наказания. Выбор не велик. Мел, смертная казнь или тюремное заключение. Я склоняюсь ко второму варианту и искренне надеюсь, что ты не будешь меня в этом переубеждать, не так ли?

Шантаж. Подлый, грязный, бесчестный шантаж! Это... это...

— Я тебе рога наставлю со всеми подряд, понял? — взбешенно пообещала я.

Архонт Дагрей улыбнулся. Он просто улыбался и смотрел на меня, а мне казалось, что под этим голубым взглядом растворяются все мои маски, все эмоции, чувства, самосознание... Мерзавец пользовался отточенным веками оружием местной аристократии легко, без напряжения, а мои мысли становились обрывками, ошметками, рваньем. Как он это делает?

— Я тебе всю жизнь испорчу, Дагрей! — ярость клокочет, вырываясь каплями яда.

И кажется, я стою не на сходнях с корабля, а на тающем, покрываемом паутиной трещин льду.

И когда лед рухнет, вырвется пламя.

Самодовольная улыбка архонта становится шире, пальцы с моей щеки соскользнули вниз по шее, пальцы пробежались по груди, и рука властно легла на талию. Рывок, прижавший меня к Эриху, притиснувший так близко, что я различила запах его тела, чуть приглушенный туалетной водой, а после услышала сказанное хриплым шепотом:

— Ты потише, моя страстная девочка, мне и так весь личный состав безумно завидует, хочешь, чтобы к ним присоединились и архонты?

И отстранился, насмешливо глядя мне в глаза.

Ах ты тварь!

— Идем, дорогая, — издевательски произнес Эрих.

И отступил, открывая мне обзор на кучу древних камней. Да-да, это была огромная куча серых камней всех форм и размеров, которые валялись на холме.

— Это вообще что за свалка? — не поняла я.

— Храм, — просветил меня адмирал Дагрей. — В нем соединяют судьбы только архонты.

Произнесено было с пафосом, смолчать я не смогла, да и не собиралась.

— Какая честь, — протянула ядовито, — мне предстоит выйти замуж на свалке. А что, мусорки заняты, да?

И совсем не ожидала, что Эрих ответит мне в тон:

— Там же мусор, дорогая, еще затеряешься среди близких по духу. То есть меня только что обозвали мусором!

— Ты так галантен, — я захлопала ресницами.

— А ты столь восхитительно непосредственна, как безмозглый младенец. Всегда любил детей... — двусмысленно так.

Но суть уловила — то есть мы обиделись, что я храм, в котором только правителей венчают, свалкой обозвала. Это ты зря.

— Я всегда непосредственна, когда речь касается очевидного, — промурлыкала, улыбаясь все так же мило.

Намек усек. Глаза заledenели мгновенно.

— Это святыня Тарейма, Мег, — отчеканил архонт Дагрей.

— Ооо, — сложила губки бантиком, — как... показательно и столь эм... ярко характеризует суть планеты, а конкретно ее правителей.

И кое-кого накрыло волной бешенства, сравнив нас в эмоциональном состоянии.

— Знаешь, дорогая, — меня нелюбезно взяли за локоток и повели вниз по сходам, — полагаю, брачную ночь мы натаем с просмотра видео, с убийством капитана Рего.

Надеешься призвать к порядку? Зря.

— Знаешь, дорогой, — идти без кандалов оказалось так удобно, — с удовольствием присоединюсь к просмотру столь захватывающего зрелища. Кстати, мы с Рего были любовниками, ты знал?

Остановился. Одарил меня насмешливым взглядом и поинтересовался:

— И в чем же выражался ваш интимный процесс? Делились друг с другом грязными фантазиями времен совместного обучения через сейр? Или ты подарила Хаму несколько страстных поцелуев после которых решила, что любовник тебе не так уж и нужен? Или, — он изобразил священный ужас, — Рего даже показал тебе, чем мальчики отличаются от девочек? Ну же, дорогая, не молчи, мне действительно безумно любопытно узнать, в чем конкретно выражался интим между вами? Видишь ли, любовникам, полагается заниматься сексом, а мы ведь оба в курсе твоей маленькой тайны...

И меня повели вниз. Мразь!

Впрочем злило не это — Дагрей был прав. По всем пунктам, особенно про эротические фантазии, о которых мы с Хамом действительно неоднократно болтали. И вот как он догадался.

— А вообще мужик герой, — явно издеваясь, продолжил Эрих, — терпеть тебя два года, целых два года и только после этого попытаться избавиться. Герой!

— Намекаешь, что его ждет героическая смерть? — догадалась я.

— Именно, — подтвердил архонт.

— За то, что он меня подставил? — возмутилась я.

Нет, я была зла на Хама, но убивать?..

Но ответ адмирала вырубил.

— За то, что посмел мечтать о моей девочке, — отчеканил Дагрей.

И он произнес это таким тоном, что мне мгновенно представился труп Хама. Именно труп, причем расчлененный. И я поняла, что все сказанное выше, мол «будешь хорошей девочкой и я его не трону», чистая ложь. Рего уже труп! Может быть пока живой, но труп — архонт уже принял это решение. И он его не изменит...

Потрясенная осознанием произошедшего, я безропотно спустилась с корабля, и придерживая подол, шла по заросшей травой тропинке, настолько малохоженной, что это откровенно напрягало, мимо огромных камней, которых тут было так много, словно мы вступили в каменный лес. И теперь виднелось только синее летнее жаркое небо, точнее его обрывки, высокие серые камни и зеленая трава под ногами. И тишина. Такая невероятная торжественная тишина и...

— Эрих, — я остановилась.

— Что? — архонт Дагрей повернулся, холодно посмотрел на меня. — Устала, каблук в землю проваливается, настроения выходить замуж нет, меня ненавидишь или что-то еще?

Вопрос был задан издевательски и с трудом скрываемым глухим раздражением.

Но меня вообще не это интересовало, я другое хотела спросить:

— А почему ты еще не женат?

Эрих странно посмотрел. Усмехнулся, а затем взял, сошел с тропинки, и потянул к себе. И я почему-то взяла и пошла, хотя было в глазах архонта Дагрея что-то путающее. Какой-то хищный блеск, что-то заволакивающее...

И вдруг поворот и я прижата спиной к высокому камню, а Эрих, нависнув надо мной, прошептал:

— Посмотри на меня.

Не та игра, в которую я сейчас готова играть. Отвернулась. Просто отвернулась, чувствуя холод камня спиной, и неприятное, нежеланное тепло в животе. Какого черта?!

— Мэл, — колено архонта вторглось между моих ног, — посмотри на меня.

Да пошел ты! Тоже мне жених! И вообще просто спросила, нехрен из-за одного вопроса показательное выступление устраивать.

— Мегера! — прошипел Дагрей.

Мм, даже вспомнил мой позывной, надо же, просто восхищена вашей памятью, архонт. Счас, уюью, потом начнут в комплиментах рассыпаться.

Я дернулась, пытаюсь вывернуться из захвата, а оказалась в еще более крепких объятиях. И ведь не качек, я бы даже сказала — кожа, кости, мышцы, но силища феноменальная.

— Мэг, какая же ты, — прошипел он, хватая за подбородок.

Сжал, вывернут, заставляя запрокинуть голову и...

Подлец, снес мне башкуг напрочь!

Напрочь, всего одним поцелуем, от которого вмиг стало темно, жарко, и потрясающе здорово. И это был не тот поцелуй на его корабле, от которого тоже потемнело перед глазами и меня накрыло до основания, сейчас все было сильнее, жестче, круче! Круче настолько, что я ощущала себя

мчащейся на горках, то ввысь метров на пятьсот, то срывающейся в пропасть, чтобы взмыть вновь... И упасть, с невероятным ощущением того, как от свободного падения внутри все сжимается... Поймал же подлец на физиологии, на банальной физиологии, взорвав мне все гормоны и оставив тупой, безмозглой, хрипло стонущей от удовольствия дурой.

И когда он отстранился, глядя на меня чуть затуманенными потемневшими глазами, я поняла, что пересплю с ним. Вот сегодня же и пересплю. И плевать на все, на мысли, злость, обиду ярость и честь. Я ХОЧу его, этого мужчину, у которого сейчас неистово билось сердце, несмотря на попытку казаться безразличным, и вообще — я отчетливо осознала, что не воспользоваться настолько эротичным гадом просто глупо. Я ведь такого больше нигде не найду.

— Ты на меня так смотришь, — чуть улыбнувшись, прошептал он, — словно готова съесть.

— Нет, — я дернула головой пытаюсь прийти в себя, — каннибализмом не увлекаюсь.

— Я в другом смысле, — улыбка стала шире.

И мне безумно, до невозможности захотелось прижаться к ней губами. Накрыть ее собственным ртом, чтобы испытать это улетное ощущение взлета и падения вновь. Черт, да с этим ни один наркотик не сравнится! Точно знаю, по долгу службы почти все перепробовала.

— Так вот, — Эрих вновь притиснул меня к камню так, и вновь склонившись к моим губам, прошептал, — я не женился, потому что ни одна женщина никогда так на меня не смотрела. Всё или ничего, малышка, я просто искал свое «всё».

И с этими словами меня не поцеловали!

Не поцеловал, гад!

Оттолкнулся от камня, увлекая меня за собой, снова вывел на тропинку, и повел жениться. А я шла позади него и думала о сексе. Сексе с этим конкретным мужчиной. Улетном сексе! Оофигительном сексе...

— Мэл, у меня ощущение, что ты меня мысленно раздеваешь, — с усмешкой произнес Эрих.

О да... я бы сейчас содрала этот мундир, после медленно, растягивая удовольствие, разрешила бы твою рубашку на тоненькие полоски, а потом... привязала бы ублюдка к кровати и смылась через окно... Э... что-то я не о том.

А если так — сначала привязать, после медленно, с ножом в руках срезать камзол... засунуть кляп, добавить страховочных веревок и смыться в окно... Стоп, что-то я в этой последовательности действий явно упускаю.

Но додумать мне не дали — как-то неожиданно из-за очередного камня вынырнула полянка с шестью сидящими мужиками в белых мундирах, и одного стоящего в сером балахоне, зато с от такой белой бородой!

Подсознание сходу выдало слово «друид».

Что это такое и с чем это взрывают я не в курсе, но кое-что в старичке мне понравилось очень — посох. Такой длинный, явно крепкий, семь голов точно выдержит, посох. И вот пока я любовалась посохом, Эрих подвел меня к дядьке с классным оружием ближнего боя, низко поклонился и произнес:

— Отец, прими душу мою, и...

— Да брось, — не поверила я, — мужик для твоего отца явно староват.

Даже не знаю, почему это сказала, вероятно нервозность, может последствия от парализатора, а скорее всего архонт сам виноват — нехрен было делать меня дурой, пусть и временно, но после его поцелуя до сих пор в голове какая-то звенящая, восторженная пустота. И в животе жарко.

Но самое странное заключалось в том, что на мои слова никто не отреагировал. Вообще никто. Даже Эрих. Он преспокойно продолжил:

— Прими мою душу и сочетай на века с той, что стала частью ее. Тишина, и мой осторожный вопрос:

— Ты сейчас о чем?

Бесполезно. Меня словно вовсе перестало существовать на свете — никто не отреагировал. Опять. Старик же, подняв свой потрясный посох, на который я лично алчно взирала, произнес почему-то

шепотом:

— Сейчас будет падать, будь готов.

— Не будет, — усмехнулся Эрих, — она у меня боевая девочка.

— Я не у тебя, извращенец, я сама по себе, — не смогла промолчать я.

Знала бы что дальше будет! Если бы я только знала! Если бы только...

Громыхнул гром!

В синем, с редкими белыми пушистыми облаками гром! Да такой оглушительный, что все камни задрожали. И даже когда гром греметь перестал, камни продолжали дрожать, земля трястись, а я впадать в панику!

Это вообще что такое в наш просвещенный технический век?!

Но старик повторно взмахнул самым обычным деревянным посохом и земля содрогнулась сильнее! Я в ужасе огляделась — камни не просто дрожали, они двигались к нам, словно живые, а шесть мужиков, и я так понимаю архонтов, скрестив ноги, спокойно сидели прямо на дрожащей земле, и смотрели на меня с каким-то торжественным ехидством. И Эрих стоял спокойно, хотя его потряхивало каждый раз, когда содрогалась земля, но он стоял, чуть шире расставив ноги и стоял...

Я же давно свалилась бы, не удерживай Дагрей меня.

А потом на поляну выкатился белый, плоский камень метра в три в диаметре. Подкатился к нам и упал между мной и сидящими на земле архонтами.

И несмотря на грохот надвигающегося к нам камнепада, старик прогудел, обращаясь ко мне:

— Возложись на алтарь, девушка!

А Эрих выпустил мою руку, видимо, чтобы я это... возложилась! Да еще и, смерив меня взглядом, добавил:

— Без глупостей.

Да какие глупости. Тут уже не о глупостях следует думать — проблема выживания на кону!

Но, не тратя время на обсуждения грядущей смерти от надвигающихся камней, я среагировала как агент разведки. Прыжок и схватившись за посох, я попыталась присвоить оружие ближнего боя.

Не вышло.

Старик с длинной бородой, несмотря на балахон и вообще старческие сухие ручонки, без какого-либо напряжения, удержал посох навесу одной рукой, несмотря на то, что на другом его конце повисла я, и по-доброму, по-отечески, спросил:

— Хочешь игрушку, деточка?

Болтая в воздухе ногами, я выпала в осадок. Буквально. Потому что подошел архонт Дагрей, снял меня с «перекладины», и уложил на алтарь.

От досады, обиды и вообще чувства вселенской несправедливости я попросту взвыла. Эрих пригвоздил меня одной рукой к камню, и стоял теперь передо мной на одном колене. А старше, укоризненно покачав головой, произнес:

— Не плачь, маленькая, я пришлю тебе другой посох, красивый, с позолотой. Не стоит грустить в такой светлый день.

Черт, он что, издевается?!

Но нет, не издевался, а продолжая все в том же положении держать руку и посох, приказал:

— Отойди, седьмой архонт.

И Эрих, легко поднявшись, отошел от алтаря.

Освободив меня соответственно.

Я вскочила едва мужик вернулся на землю покрытую ровным слоем зеленой травы, но... как оказалось, было поздно. То, что я приняла за камень — вспыхнуло белым, мутным светом, и этот

свет окутал меня, словно спиралью. А в ней, я утратила возможность даже сделать шаг...

— Небо принимает твой выбор, седьмой архонт! — возвестил старик.

Я в ужасе посмотрела на Эриха — он стоял улыбаясь, счастливый такой, довольный и вообще кажется, чем-то обрадованный.

Мне было не до радости, потому как в следующее мгновение свет схлынул и меня охватило пламя! Слепящее белое пламя, тоже окутав спиралью! Кто-то заорал женским визгом... Надеюсь не я, и опустим тот печальный для моего самоуважения факт, что других женщин на ритуале поджаривания агента гаэрской разведки не присутствовало.

— Звезды принимают твой выбор, седьмой архонт.

Улыбка Эриха стала какой-то запредельной. Он даже сверкнул зубами, которые реально сверкали в свете этого огня.

Огонь схлынул.

Перестав визжать, я попыталась рвануть нахрен отсюда, уже не пытаюсь обзавестись орудием смертоубийственного труда, как... мою лодыжку опутал корень!

— Какого черта из камня растут корни! — заорала я.

Архоноподобные черти и старик в сером тупо промолчали, а визжащую меня по рукам, ногам, платью, в конце концов, спеленали лианы!

— Хрень космическая! Это вообще нереально все! — вопила я.

Не знаю, может показалось, но утолчки стариковских губ дрогнули, в попытке скрыть улыбку, и друид провозгласил:

— Земля принимает твой выбор, седьмой архонт!

Все, у меня истерика. У меня просто истерика... будет когда я их всех уюю! Старика первого, Эриха сначала изнасилую, потом убью! Да я...

Корни взяли и втянулись в камень. Потрясно! Вот просто потрясно!

— Слушайте, а можно я уже просто уйду? Пожалуйста, я вообще против замужества по личным и идейным причинам.

Старик, ранее меня полностью игнорирующий, заинтересовался последней фразой и переспросил:

— Это что за идея такая?

— Все мужики — козлы! — выпалила я.

Не знаю, что несу, козлов вообще никогда не видела и...

И тут по моей ноге заструилось что-то мокрое...

Первой мыслью было «Я опозорилась!», второй «Сами виноваты, я с утра в туалет не ходимши», и только после я посмотрела вниз...

Меня обвивала спиралью вода! Прозрачная, искрящаяся на солнце вода! Подмочившая и мою репутацию, и мое платье, и даже волосы. Атас! Да, кстати, вода вытекала из камня. Из белого, отшлифованного, без единой дырочки камня!

— Эрих, — простонала я, — просто прими как данность — я тебя ненавижу. И тебя дед. И вас, мужики. И вас камни. И тебя холоднющая вода... подогреть не могли, что ли? Значит как огонь и корни из этой штуковины, так, пожалуйста, а как вода, так обязательно студеная, да?

Но меня, местами обожженную, местами грязную после корней и лиан и повсеместно мокрую вообще никто не слушал. Вот вообще! Всем было на меня плевать, зато на фигурку пялились. Да еще как — у половины архонтов челюсть отвисла, а Эрих даже улыбаться перестал.

— Твою мааааать, — взывала я.

Им плевать было. А старик, потрясенно опустив руки, произнес:

— Вода приняла твой выбор, седьмой архонт. Впервые за последние двести лет, вода приняла выбор... Невероятно.

Что, правда? Да, это сарказм. И меня трясет от холода... И страшно... И все, что меня волнует:

— Счас еще какая-то гадость из камня полезет, да? Эрих, а давай ты меня уже спасешь, а? Пожалуйста... Я тебе даже деньги за выкуп верну, только спаси... пожалуйста...

Как ни странно, меня услышали. Более того — архонт Дагрей подошел, к краю алтаря, снял с себя мундир и поманил меня. Я не пошла, я прыгнула прямо к нему в объятия, прижалась, дрожа и всхлипывая, и охрипшим после визга шепотом, взмолилась:

— Унеси меня отсюда... унеси меня отсюда... унеси меня отсюда...

— Все-все, шшш, — он погладил меня по спине, после накинул на меня свой мундир, — все хорошо, Мелани, ты у меня чудо.

— Ппппошел ты, — выдохнула я, вопреки собственному посылу, прижимаясь к нему крепче, и сильнее обнимая за шею.

Эрих ничего не сказал. Молча закутал меня в свой мундир, подхватил на руки, причем шею его я не отпускала и хрен теперь отпущу, поднес меня к старику, словно чего-то ожидая.

Не знаю чего он ожидал, я прижалась к архонту, спрятала лицо у него на плече, и вообще сжалась, предчувствуя еще какую-нибудь хрень!

Но хрени больше не было. Старик величественно произнес:

— Предки принимают твой выбор, седьмой архонт и даруют свое одобрение. Долгих лет вам, многих детей, уважения и почета! И с возвращением на Тайрем, Эрих Дагрей.

— Благодарю, всеотец, — произнес этот гад.

Но плевать, что гад, главное:

— Только не на каменюку больше, пожалуйста... — прошептала я.

— Все закончилось, милая, больше никаких камней, — едва слышно ответил он, и, повернувшись, произнес уже громко: Братья, моя жена, Мелани Дагрэй.

Не знаю, кого он назвал «братья», но гудежь земли и грохот камней прекратился в тот же миг. Ну и родственнички в общем! А потом Эрих меня куда-то понес...

— Только не на ка... — начала я.

— В постель, девочка моя, просто в постель, — ответил он, и в его голосе, почему-то слышалась улыбка.

То есть еще и лыбится, гад!

— У...у...у... — попыталась высказаться я.

— Удивительный обряд, да? — по-своему понял меня архонт.

— Убью уродов, — четко выразила я свою мысль.

— Вернуть на каменюку? — явно издеваясь, но остановившись, поинтересовался Дагрей.

— Живите, гады, — смилостивилась я.

— Какая ты добрая и великодушная, — сарказм в каждом слове, но возобновил уносительное меня шествие.

Ну и ладно, зато не на каменюку. И покрепче обняв его за шею, я вдруг поняла, что безумно хочу спать. Без секса. И не там, где есть каменюки, и...

— Эрих, — прошептала я, — а что это было?

— А эта такая архонтовская игра, «полежи на каменюке» называется, — съязвил архонт. — Точнее не так — полежи на каменюке, на древней свалке. Тебе понравилась?

— Нет!

— Я так и думал, — усмешка, — предпочитаешь мусорки?

— Пошел ты!

Он и так шел, шел, шел, шел, и когда я почти заснула у него на руках, тихо прошептал:

— Я люблю тебя, Мелани.

И он произнес это искренне. Впервые в моей жизни мне искренне признались в любви. А ведь меня никто никогда не любил...Даже родители отказались фактически, отдав в военную школу, где и каникул не было. А потом погибли, так ни разу и не позвонив... На глаза навернулись слезы.

Но я собралась и, шмыгнув носом, тихо сказала:

— Нет, ну я-то в любом случае свалю. Но вначале секс, понял?

Услышала смешок, и больше Эрих мне ничего не сказал. Разве что сжал крепче.

Глава 10

Секс

Вообще я ждала чего-то более подходящее по смыслу к сексу, нежели изнасилование моего мозга. А поймать мне собирались именно его, потому как разбудили словами:

— Мелани, дорогая, понимаю, что ритуал отнял много сил, но ты должна хотя бы появиться на твоей свадьбе.

Голос был женским, с глухим раздражением в оном, и принадлежал явно моей свекрови. Нашупала подушку рядом, и не прицеливаясь запустила в источник звука.

Суда по глухому «Черт» я попала. И с блаженной улыбкой собиралась вновь провалиться в сон, но кое-кто не привык отступать.

— Мелани! — громкий оклик.

— Мегера, — поправила я.

Наступила блаженная тишина.

Ненадолго.

Послышались чьи-то шаги, после скрип открываемой двери, и раздался голос Эриха:

— Мама, пусть Мел спит. Ей досталось сегодня.

— Твоей бывшей невесте досталось больше, — не согласилась вредная тетка.

— Хватит, — голос у него временами как сталь.

Свекровь повторно выругалась, и это аристократка, после чего цокая каблучками, вышла, громко захлопнув дверь. И вот тогда я приоткрыла глаза, обнаружила себя без одежды и под простышкой, посмотрела на стоящего у кровати Эриха и спросила:

— Секс?

— Спи, — улыбнулся он.

— Разочарование века.

— Нарвешься.

— Только обещаешь, — я зевнула и, повернувшись на другой бок, собралась спать.

Угу, солдат... эм, в смысле жена спит служба идет.

Но вопреки моим ожиданиям, кровать чуть прогнулась, принимая вес архонта, и Эрих лег рядом, обняв меня. Спать расхотелось мгновенно, но признаваться в этом не собиралась никоим образом.

Сильные пальцы архонта осторожно коснулись моего обнаженного плеча, мягко двинулись вниз, по спине, поднялись к шее, начали нежно перебирать волосы на затылке. Появилось желание замурлыкать, но я же сплю.

Подался ближе, прижимаясь горячим, даже через одежду горячим телом, прикоснулся к плечу губами...

Тихий стон вырвался сам, я его старалась подавить как могла, но вырвался, гад.

И ответом на мою несдержанность стала улыбка, которую ощутила кожей. Замерла, стараясь контролировать дыхание, и почувствовала, как мужская ладонь скользнула под простыню, вниз, повторяя изгиб моего тела... И по бедру, к самому сокровенному месту, чтобы чуть погладив пальцами, скользнуть всей ладонью на живот...

— Нет, а давай продолжишь с предыдущего места, — простонала я. Улыбка, поцелуй, ласкающий кожу, и тихое:

— Спи.

У меня даже глаза распахнулись от такого.

— Издеваешься? — спросила мрачно.

— Страхуюсь, — ответил Эрих, сжимая в объятиях, и признался, — я пьян.

Стремительно повернулась, посмотрела на архонта, и искренне призналась:

— Ты сволочь.

Улыбнулся, а глаза хитрые и трезвые.

— С Хамом что? — продолжила я.

Глаза мгновенно стали злыми.

— Убивать не смей, — предупредила я, зевнула, снова устроилась на подушке и постаралась заснуть.

Услышала, как поднялся и вышел Эрих, как осторожно, так чтобы даже не скрипнула, прикрыл за собой дверь и... открыла глаза.

Спать сейчас? Глупо. Нужно выйти на ребят, конкретно на Мира, получить доступ к своим счетам, а я была весьма обеспеченной дамой, прикупить недвижимость на Тайреме и...

Дверь открылась.

Я мгновенно изобразила крепкий сладкий сон, потому что сразу определила вошедшего — свекровь.

— Спишь! — обвинительно констатировала она, взяв стул, протаскив со скрежетом по мраморной плитке, и расположившись напротив меня, уселась. — Мегера, мне просто интересно — ты в курсе особенностей Тайрема, его социального уклада, брачных традиций в конце концов?

Короче мне собрались поиметь мозг. Открыла глаза, посмотрела на гарру, скептически скривилась и честно ответила:

— Мне это не интересно.

Женщина даже не обиделась — напротив усмехнулась так, что мне сразу стало ясно дело не чисто. Вовсе не чисто.

— На Тайреме, — мать Эриха откинулась на спинку стула, — у каждого высокопоставленного мужа имеются две жены.

Определенно я заинтересовалась, и даже глаза открыла.

— Первая, — продолжила гарра, — рождает детей и сидит дома.

Вторая ведет все дела мужа, сопровождает его на светские мероприятия, деловые встречи, переговоры.

Подумав, я сонно зевнула и сказала:

— Выбираю второй вариант.

Еще бы! Добраться до всех сбережений архонта будет более чем забавно.

Гарра Дагрей понимающе улыбнулась, и почти пропела:

— Второй вариант выбрали уже семеро, к Эриху не подобраться. А ты спи, спи... Потом дети пойдут, спать будет некогда.

Естественно я встала. Молча посмотрела на свой грязноватый вид — на меня натянули чистую ночную рубашку, но учитывая, что я после корней и подгорания была несколько... эээ... не в форме. Волосы впрочем тоже подгорели местами, ну и грязные были...

— Мелани, — голос гарры Дагрей почему-то дрогнул, — так это правда, тебя одобрили все стихии?

— Не напоминайте, — нервно потребовала я. После чего спросила:

— На Тайреме у аристократии правила этикета приближены к Илонессу или Анхераэ?

Женщина удивленно вскинула бровь, затем медленно выговорила:

— Анхераэ, правое течение.

Глубокомысленно издав «Оу», я спросила:

— Платье дадите?

Нет, на самом деле мне было искренне плевать на наглого архонта, ну разве что кроме желания заняться с ним кое-чем очень приятным, однако исключительно из чувства вредности, я не могла позволить себе пропустить приставания тареймских девиц к моему мужику.

Все дело в традициях, причем тареймцы относились к консерваторам, и потому для жизненного уклада аристократии выбрали именно правое течение Анхерае. Суть заключалась в следующем — собственно как и у всех представителей ценителей династической гордости, жена являлась предметом необходимым для производства потомков, и использовалась исключительно по назначению. Но вот любовницы четко градировались — самая любимая, преданная и родовитая становилась гарра-эн, то есть женой-партнером. Она не рожала, и потому сохраняла презентабельный вид надолго, сопровождая аристократа на всех светских и деловых приемах, ведя счета, и да — выписывая чеки первой жене. Естественно неохотно до крайности. И потому, фактически, всем руководила гарра-эн, ибо у кого бабки тот и командует парадом.

И вот не то, чтобы я собиралась быть женой седьмому архонту, но так, в воспитательных целях, следовало поставить кое-кого на место. Причем поставить красиво.

И я собиралась сделать это очень красиво.

Свекровь предоставила мне белоснежное платье в стиле древней Греции. Не мой фасон, но пойдет. Жемчуг на шею, жемчужные браслеты, серьги, от пояса расшитого жемчугом я отказалась, взяла простой тканый. Прическа пугала обилием шпилек, но мне шла, и опять же — хочешь унижить хозяев планеты, унизь их как тайремка. Так что я молча вытерпела процесс одевания, и едва женщины от меня отошли, кивнула отражению, развернулась и вышла.

Гарра Дагрей естественно последовала за мной.

Мы прошли по галерее украшенной высокими мраморными колоннами, и я услышала звук голосов, тихую, не мешающую гостям общаться мелодию, женский смех, звон бокалов. И как-то по мере того, как я подходила к лестнице, явно ведущей в холл где и происходило торжество, решимость моей свекрови таяла.

Сначала она стала идти медленнее, после и вовсе остановилась, а на мой удивленный взгляд тихо ответила:

— Я тут постою.

Странно конечно.

Но разгадка стала ясна, едва я увидела у входных дверей горделивую высоченную светловолосую тайремку возраста свекрови примерно. Мадам, в смысле явно гарра-эн была одета в золотое платье с глубоким декольте, которому еще было что демонстрировать, волосы ее оплетала диадема, радушная улыбка ничуть не скрывала величественного вида. Гарра встречала гостей, обменивалась с ними фразами, и вела себя как хозяйка дома. Собственно, оглядывая дом я поняла, что оформлен он в соответствии с ее вкусом — кричаще-золотые тона на фоне белых стен были показательны, у свекрови хотя бы имелся вкус не претендующий на вершины помпезности.

Остановившись, осмотрела приглашенных — дамы в длинных платьях, все худые, племенные, блондинки, с фальшивыми улыбками и горделивой осанкой. Впрочем не все — в зале присутствовали девушки — молодые, красивые, с ищущим внимания взглядом... Претендентки на роль гарр-эн? Судя по всему да...

Предположение подтвердилось, едва я отыскала взглядом Эриха. Подлый адмирал стоял в саду с бокалом вина, окруженный целым цветником юных, гораздо моложе меня, девиц, и именно их смех оглашал окрестности. Седьмой архонт цвел и пах, незаметно цепким взглядом рассматривая девушек. Гарра-эн Дагрей на все это посматривала с явным одобрением.

Короче, я поняла, что им всем тут на руку было мое желание поспать!

Медленно глянула на свекровь, та усмехнулась, мол «Я же говорила». Мне на это оставалось задать лишь один вопрос:

— А у вас кроме этого остолопа аристократического дети еще есть? Она отрицательно покачала головой.

— Мама, — воскликнула я, — теперь у вас есть доча. Идите собирайте вещи, нас ждет потрясающая жизнь, развлечения, ночные клубы и вообще все будет круто, а терять вам тут явно нечего.

Она с изумлением воззрилась на меня. А я что — между прочим как мать она меня вполне даже устраивала.

— Серьезно, — подтвердила я. — Вам за побег что-нибудь будет?

Гарра задумалась и отрицательно покачала головой.

— Ну и вот, — улыбнулась я, — а у меня, между прочим, с детства нет мамы, и вообще я сирота. Кстати, мне одежки тоже захватите какой-нибудь.

Улыбнувшись, гарра Дагрей кивнула, повернулась и неожиданно легко, так словно скинула с плеч неподъемный груз, устремилась к жилым комнатам. Супер, у меня теперь не только сообщник, но и мама есть.

На этой радостной ноте я вновь повернулась к лестнице, и поняла, что меня заметили. Гарра-эн напряглась и смотрела на меня примерно как кобра на кролика. Но она оказалась не единственной глазастой — Эрих так же соизволил заметить свою супругу.

Причем он увидев меня улыбнулся как-то вымученно, затем поцеловал ручки каждой из своих собеседниц, и поторопился ко мне с таким видом, словно желал предотвратить назревающий скандал. Наивный.

Наивный в первую очередь потому, что не в курсе, с кем связался.

А я вообще никому не советую со мной связываться.

И едва Эрих подошел ко мне, а я как раз величественно спустилась по лестнице, тут же громогласно возвестила:

— Помянем минутой молчания всех великих предков рода Дагрей.

Седьмой архонт запнулся, уже направляющаяся к нам гарра-эн замерла, а вся гостиная погрузилась в торжественное молчание. Я же говорю — ценят тут предков.

И вот мертвая торжественная тишина, все стоят, опустив головы и выражая уважение, и только мы с Эрихом смотрим друг на друга, причем я улыбаюсь, он взбешен.

Секунды, и такое ощущение, что все их про себя считали, истекли. Как-то разом раздался вздох, послышались разговоры, заиграла громче музыка, угрожающе шагнул ко мне Эрих...

Не успел.

— Помянем минутой молчания великих архонтов Тайрема! — возвестила я.

Удостоилась парочки странных взглядов, но все вновь погрузились в тишину. Лицо адмирала перекосилось, я стою с самым торжественным видом.

— Мэг, — прошипел он едва слышно, демонстрируя откровенное неуважение к почившим архонтам.

Я улыбаюсь.

Анхерае, правое течение — сплошные почитатели традиций, на чем собственно я сейчас и играла. Причем играла по их правилам, соответственно...

— Помянем павших за единство Тарейма!

И снова тишина, нарушаемая лишь сопением Эриха. Разъяренным сопением.

— Кстати, я забираю твою маму себе, — сообщила ему.

У архонта на лице отразилось полнейшее непонимание ситуации и пришлось пояснить:

— Мама у тебя прикольная, мне понравилась.

Недоумения на аристократическом лице стало еще больше, но сказать что-либо Эрих не мог — уважал павших за единство Тайрема. Весело подмигнула ему, и, развернувшись, весело взбежала вверх по ступеням. В том, что у меня теперь минут десять форы, даже сомнений не было.

Но вот чего вовсе не ожидала, что седьмой архонт, наплевав на все традиции и скомпрометировав себя в глазах всех приглашенных, рванет следом за мной, настигнет на последних ступенях, сграбастает, подтащит к ближайшей колонне, развернет и, впечатав спиной в рифленый рисунок, прошипит:

— Какого черта, Мэг?

Какой мужчина! Разгневанный, злой взбешенный и способный плевать на все правила и традиции. Даже не верится, что он вот такой.

— И чего ты улыбаешься? — прорычал седьмой архонт.

И вот как ему объяснить, что я тоже влюбилась. Влюбилась настолько, что готова остаться здесь, навести порядок в его личной жизни, в смысле избавить от всех мыслей по поводу домашних и показательных жен, добраться до сбережений и дел, и просто — быть рядом, отдаваясь этому мужчине каждую ночь, день, утро... да вообще всегда, когда захочется.

Короче я постояла, подумала, и поняла — что не знаю, как ему об этом сказать. Совершенно не знаю, следовательно, и говорить не о чем.

— Я спать, — солгала седьмому архонту.

Он вдруг отстранился, пристально глядя мне в глаза, затем уже спокойно спросил:

— К чему было это представление внизу?

Не правильный вопрос, но у меня тоже есть примерно такой:

— К чему было на мне жениться?

Усмехнулся, и произнес:

— Я говорил.

Еще раз подумала о том, что надо бы признаться ему в любви. Но как назло понятия не имею, как это делать, соответственно:

— Ты говорил, почему ты на мне женился, — протянула нагло, и добавила, — но не сказал, с чего бы это мне выходить за тебя замуж.

Его глаза стали двумя ледяными озерами. Не шучу, ощущение именно такое — вроде и вода, но сверху глыбы льда плавают, причем так, что даже смотреть холодно. А после спокойно, выверенно и жестко произнес:

— Тебя продало твое правительство, Мэг, кому еще ты нужна, кроме меня?

Опася...

Пристально смотрю на архонта и понимаю то, что ранее от моего сознания ускользнуло:

— Ложь.

Улыбнулся, без тени тревоги, как самый честный человек на свете и я поняла — действительно лгал.

— Ай-й-й-й, архонт Дагрей, — протянула укоризненно, — врать офицеру разведки глупо, мой мальчик, очень глупо.

Улыбаться перестал. Я же начала мысленно перебирать имеющиеся факты, в результате прямо спросила:

— Нас сдали сразу?

Эрих едва заметно скривился, после схватил меня за руку, и потащил к ближайшим дверям. Распахнул их ударом и вошел в, как оказалось, свой кабинет. Рывок и меня он практически швырнул в кресло, сам сел за стол, напротив, одним этим мгновенно расставив приоритеты. Несколько секунд молчал, пристально изучая взглядом, затем произнес:

— Вы не оставили следов. Чистая работа.

— Нас сдали, — уже утверждающе произнесла я.

Кивнул.

Затем, нервно покусывая нижнюю губу, от чего я начала медленно терять ощущение реальности, продолжил:

— Капитан Рего охотно сотрудничал с нами на всех этапах операции.

«Черт!» — мысленно выругалась я, но вида постаралась не подавать.

— С какого момента? — сухо спросила я, отчаянно пытаюсь скрыть эмоции.

Эрих пристально взгляделся в мои глаза и произнес:

— Через сутки после его сообщения мы были на орбите Гаэры.

Черт! Не простил моего отказа получается?! Мразь! Мразь, просто мразь! Уязвленное самолюбие сыграло?! Ублюдок!

— Ты побледнела. Мел, — улыбнулся архонт Дагрэй.

И я честно ответила:

— Неприятно, Эрих. Личные отношения — это личные отношения, но в разведке не предают. Свои есть свои, а Рего просто мерзавец.

Архонт улыбнулся, кивнул принимая мою позицию, после продолжил:

— Он изменил свое решение, когда понял, что у меня к тебе нечто личное.

Удивленно взглянула на него. Эрих в белом мундине, загорелый, темноволосый, с глубоко посаженными синими глазами был шикарен, его даже горбатый нос не портил, а уж стоило аристократу улыбнуться... Нет, пора с этим заканчивать, иначе я начинаю медленно терять голову.

— А что, по его мнению, ты собирался со мной сделать? — уточнила я.

— Казнить, — совершенно спокойно произнес Эрих.

И я поняла всю глубину плана Рего.

— То есть, — нервно сглотнула, — мои все считают, что меня уже...

— Кроме Стема, Нива, Шороха, Борова и Эвина, — правильно понял мою мысль седьмой архонт. — Твой сходу просекли в чем туч дело, но будут молчать.

— Это еще почему?! — разозлилась я.

— Честь, Мэл, — Дагрэй премерзко ухмыльнулся, — честь их командира. Ты для них никогда не была женщиной, ты их глава группы. А теперь представь, что вашего Бадера для интимных игрещ похитил какой-нибудь крупный политик. Твои действия?

Подумала, честно ответила:

— Попыталась бы вытащить, не афишируя причину похищения.

— Военные предсказуемы, Мэл, — Эрих выглядел победителем. — Да, кстати, ты умерла. Там, на Деране, и ваш катер забрал трех спасенных тобой, малышка. Тебя убил Дуло. После случился взрыв и... следов, сама понимаешь, не осталось. Информация об этом уже доведена до сведения Гаэры.

Приятненько слышать о собственной смерти. До крайности приятно!

— Далее, — продолжил архонт Дагрэй, — на Франциске мы невероятным образом встретили девушку, являющуюся тайремкой по крови.

Удивленно вскинула бровь.

Эрих нагло улыбнулся и продолжил:

— Я влюбился в эту девушку без памяти и потратил время и силы на ее поиски. Нашел. Привез на Тайрем и сегодня состоялось наше бракосочетание.

Обалдев от аристократической наглости, я четко выразила свои мысли по данному поводу:

— Хрень!

— Что ты, — улыбка становится запредельной, — мы с жрецом договорились только на поддержку брака предками, а тебя, самым невероятным образом, приняли все стихии Тайрема. И поверь, теперь даже анализ ДНК не убедит архонтов, что в тебе ни капли божественной крови. Анализам у нас не особо доверяют, стихиям больше.

Чувствуя себя рыбой, выброшенной на лед, я прошипела:

— Эрих, а как же вопли о том, что ты женился на мне по причине необходимости сохранить лицо, так как я тебя уделала и корабль твой разгромила?!

Нахмурился и спокойно подтвердил:

— Видишь ли, Мэл, узнав о том, что я буду первым и единственным у тебя, я решил, что специалист, владеющий тайремским языком и нехилыми умственными способностями, станет мне превосходной второй женой! И ты ею стала бы, Мэл, и в этом случае я доверил бы тебе свои дела, ты сопровождала бы меня во всех поездках и была бы рядом. Но нет! — и он вдруг зарычал: — За каким проклятым космосом ты разгромила мой корабль?!

— Да ладно, — я даже несколько опешила, — всего-то одна маленькая дырочка, подумаешь. Ну, хочешь, я тебе моральный ущерб возмещу?

Успокоился мгновенно. Хмыкнул и поинтересовался:

— А как на счет материального?

Представила себе счет за ремонт корабля архонтовского размера, и поинтересовалась:

— А без материального никак?

Укоризненно покачал головой и продолжил:

— Сильные, страстные и сводящие с ума женщины прекрасны, Мэл. Буду откровенен — ты превзошла все мои мечты, даже самые смелые. И еще на Франциске, стоя на крыше здания и наблюдая за вашими разборками после неудавшейся попытки похищения, я смотрел на тебя и не верил в свое везение. Ты невероятна. Ты как стихия — роскошна, впечатляюща, непредсказуема. Одна проблема, девочка моя, — он тяжело вздохнул, — на Тайреме непредсказуемых женщин держат взаперти. Под охраной и за стенами. Их обожают, ими восхищаются, их берегут как самые бесценные сокровища, именно о них думают, мечтая о возвращении домой, от них рождаются наследники, но... их не берут вторыми женщинами. Прости, малышка, я слишком сильно влюбился в тебя, чтобы потерять.

Недоуменно посмотрев на него, прямо спросила:

— То есть я должна сидеть в спальне, пока ты там девиц охмуряешь?! А после ждать тебя, пока ты там со второй женой зажигаешь? Эрих, обалдел?!

Улыбнулся. Широко и нагло. С видом самца, который владец прайда. С самой аристократической харей. С превосходством, коего не скрывал! С...

— Ладно, я спать, — решительно поднялась.

— Да, ложись, я скоро буду, — он продолжал по-хамски скалиться, — уже слегка протрезвел, так что гарантирую качественное, плодотворное и долгое исполнение супружеских обязанностей.

Я, уже как раз взявшаяся за ручку двери, обернулась, взглянула на него и спросила:

— А как на счет приятного?

— Не переживай, тебе понравится, — обнадежил он.

Причем он так это скатал, что мгновенно появилось желание остаться и дожждаться супружеского долга, а уже потом... Но нет. Мы люди гордые.

— Жду, — солгала я.

И отправилась разыскивать маман.

Нет, а вы правда думали, что я ей побег предложила только потому, что она мне понравилась? Мне между прочим и Эрих тоже нравится, но ему же я сбежать не предлагаю... Хотя может и зря.

Мамулю обнаружила в спальне правого крыла дворца, точнее меня один из охранников привел, сама бы я ни за что не нашла. Мамуль при моем появлении паковала шестой чемодан...

— Нет, так никто не сбегает, — войдя к ней, заметила глубокомысленно.

— Два чемодана с драгоценностями, — огорошила меня бывшая свекровь.

Не поверив, подошла, раскрыла чемодан... впечатлилась состоятельностью дома Дагрей, но была вынуждена с сожалением заметить:

— Драгоценности не берем.

Мамуль нахмурилась, от чего ее карие глаза почернели, и хотела было что-то сказать, но я пояснила:

— Нас по ним в момент найдут, как только попытаемся сдать скупщикам.

Женщина хмыкнула, после избавилась от серег, колец, браслетов и ожерелий. Огляделась, забила на чемоданы, повернулась ко мне и спросила:

— Валим?

Нет, реально я балдею от этой женщины, и сразу понятно в кого Эрих такой крышесносный.

— Вы меня выводите из дворца, я вас вывожу с Тайрема, — озвучила я главное условие.

Нет, архонт Дагрей конечно умен, сволочь, и охрана тут я уверена, что на уровне, но вот уверена я и в другом — женщина, всю жизнь прожившая в таких условиях, обходные пути точно знает.

И я оказалась совершенно права.

Эпilog

— Мелани, солнышко, сообщение от Бадера, ответишь?

Мамин голос разбудил меня, откровенно заснувшую в ванной. Кстати мама у Эриха была потрясая, просто слов нет. Потрясая настолько, что теперь у меня личный секретарь, и мама не боится поспорить не то что с Бадером, министра вмиг ставит на место, а еще она потрясающе готовит, убирается круче робота, и самое главное — меня очень любит. И вот за это последнее я готова была бы вообще сама и убирать и готовить, но этим занялась мама. Она вообще деятельная, говорит, это у нее после стольких лет заточения второе дыхание проснулось. Я не против. Я вообще за все, что касается мамы, даже за ее роман с Бадером. Хотя я бы на его месте тоже влюбилась — когда я, пылая жаждой мщения, ворвалась в управление, генерал бросился ко мне, с явным намерением обнять от радости, а нарвался на мамино:

«то кто здесь мою дочь тайремцам сдал?!»

Это было начало. Ганиар дас Маес как оказалось, была дочерью одного из глав кланов Илонесса, и характером пошла в папочку.

Вообще, ей для побега чисто знаний не хватало, иначе архонт Дагрей давно остался бы без мамочки. Ну в смысле как только вырос. А так Ганниар постоянно ловили, за счет вживленного чипа. Поймали бы и в тот раз, но у меня, во-первых, был Нир, а во-вторых, Шнур, тот самый спец, которого я спасла на Деране, и у которого был нехилый опыт в перекодировании личных чипов. Так что с Тайрема мы вылетели как две гражданки Атара, с тремя пересадками добрались до Гаэры. И собственно далее было мое триумфальное возвращение и мамин на всех наезд.

И как же она орала! Причем у нее с ругательствами никаких проблем не наблюдалось и в управлении зазвучал настолько вдохновенный мат, что обалдел даже Бадер. Теперь бегают за мамой с цветами и нежными посланиями. Пока послан и неоднократно. А дальше...

— Как тебе моя стрижка? — поинтересовалась мама, едва я вышла из ванной, кутаясь в полотенце.

Ей, жгучей брюнетке, на удивление шел блонд.

— Здорово, ма, — искренне ответила я, догадываясь, что у Бадера появился шанс.

Мама повернулась к экрану, где млело мое начальство не сводя с нее глаз и протянула:

— Мелани тоже одобрила.

Генерал гулко сглотнул. После мотнул головой, глянул на меня и произнес:

— У нас даорцы с посольством. Эгнер тебя просил.

Невольно скривилась. Нет, даорский я знаю, но даорцы нудные настолько, что пару раз я была вынуждена подменять заснувших переводчиков. Собственно поэтому Эгнер меня и брал — я более стойкая по обыкновению, но не сегодня.

— Генерал, я только с Араэ, не выпалась.

— Мегер, надо, — отрезало начальство.

Надо... как я это люблю.

Угрюмо кивнула. Надо так надо.

Но тут мама возмутилась:

— Что значит «надо»?! Дите не спало пару суток, вон в ванной задремала. Бадер, ты мне ребенка до нервного срыва довести хочешь?! У вас что, на всей Гаэре переводчиков больше нет?

Нет, я безумно обожаю свою маму! Она шикарна! Она просто шикарна по всем статьям. И да, не смотря на все жалобные взгляды руководства, я решительно встала на мамину сторону и ответила:

— Резонный вопрос, кстати.

После чего нагло ушла, собираясь завалиться спать. А что — мама права.

Эгнер связался со мной по личной связи, и пришлось ответить. К слову выглядеть посол стал еще хуже — после случившегося со мной у него был сердечный приступ, едва спасли. И сейчас, едва заметно задыхаясь, господин посол произнес:

— Мэг, они мне мозг уже месяц парят. Пожалуйста, мне по четырем пунктам осталось разобраться, это часа два, не более.

— Одеваюсь, — только и сказала я.

А что еще сказать можно было. Жалко его.

Мама возмущалась все время, пока я одевалась, но помогала по мере сил. К слову умница она у меня. Горгона, в управлении ее прозвали именно так, сейчас стажировалась на место секретаря управления. Бадер вообще ее к себе хотел, но секретность и все такое, а она все же гражданка Тайрема, соответственно получилось устроить только туда, куда уровень допуска позволял. Ну так вот, мама пообещала, что выбьет мне отпуск. Зная ее, точно уверена — отпуск будет. Здорово.

Водитель министерства иностранных дел сначала забрал меня, после съездили за Эгнером. Посол выглядел откровенно плохо, и спать хотел не менее моего.

— Месяц уже голову морочат, — пожаловался он, едва сел. — Самые нудные переговоры в моей карьере.

— Это же даорцы, они всегда нудные, — зевнула я.

— Не настолько, — Эгнер нахмурился. — Ощущение, что издеваются и тянут время.

Странное замечание.

Жаль я оказалась слишком сонной, чтобы подумать об этом.

Нет подумала и еще об одной странности — переговоры велись не на Гаэре, а на Декте — спутнике планеты. Спросила об этом у посла, Эгнер сонно ответил, что они уже больше месяца там торчат и переговоры тоже там проходят даже. Хрень какая-то.

Взлетали на катере даорцев. Причем техника у них отвратная — медленные до отвращения. И потому, пристегнувшись, я тут же решила поспать. Потому что это наши корабли до орбиты за 20 минут добираются, а даорцы часа полтора лететь будут. К слову Эгнер тоже мгновенно заснул — опыт.

К моменту стыковки я даже выспаться успела. Посол тоже. Так что едва раскрылись двери шлюза, мы бодрой походкой направились на корабле даорцев. Вошли, миновали скан, Эгнер кивнул двум тайремским офицерам у дверей...

Застыл с занесенной для шага ногой! Я же уже стояла, потрясенно глядя на то, как стремительно закрываются двери шлюза...

— Знаешь, Мел, — раздался совсем рядом раздраженный голос седьмого архонта, — кажется, мы договаривались, что в следующий раз ты будешь воровать меня. Меня, а не моих офицеров, или же мою мать!

Чувствуя холодок плохого предчувствия по позвоночнику, все же нагло ответила:

— Облом, Эрих, это теперь моя мама. И да — она мне больше тебя нравится.

В следующий миг меня схватили за плечо и резко развернули. И вид у седьмого архонта был самый что ни на есть голодный и злой. А еще уставший. И даже...

— Серьезно, Эрих, — я невольно улыбнулась, — мама даже стажировку проходит сейчас, и у нее роман с Бадером наклеивается, и она правда классная, а у меня вообще никогда толком мамы не было, так что она мне нужнее, правда.

Закрыв глаза на мгновение, затем резко выдохнул и сказал:

— Ладно, пусть остается.

Я даже удивилась, но сказать что-либо еще не успела — створки шлюза распахнулись вновь, открывая нашим взорам малый катер тареймской постройки.

— Архонт Дагрей, что происходит? — возмутился пришедший в себя посол Эгнер.

Эрих молча подхватил меня на руки, прижал к себе, и понес в катер, ответив:

— Ничего особенного, господин посол, забираю свою жену.

— Что? — Эгнер сорвался на визг.

А я смотрела на седьмого архонта и улыбалась. И ничего не могу с собой поделать, просто смотрю на него и улыбаюсь. И почему-то несмотря ни на что, так хорошо на душе.

Внеся меня на катер, Эрих сел в кресло, продолжая сжимать в объятиях. Заметил мою улыбку и хмуро спросил:

— Что?

А я взяла и честно призналась:

— Люблю тебя.

Эрих вздрогнул всем телом, не веря, не понимая, боясь поверить, наверное. Затем неожиданно осипшим голосом спросил:

— Что?

— Да ладно, — я обвила руками его шею, — ты слышал.

Не верил. Смотрел на меня и ни секунды не верил. А я, сама Мегера, заместитель главы разведуправления полулежала у него на коленях, смотрела и понимала — у меня отпуск. Сто процентный. Медовый. К чертям все на свете, но если у него мама такая потрясная, значит и он хотя бы на половину классный.

Мама вышла на связь когда тареймский корабль уже стартовал в направлении исторической родины. Увидела мое счастливое личико на экране сейра и прямо спросила:

— Эрих?

Молча кивнула.

Мама укоризненно покачала головой, и сказала:

— Сыне привет передай.

Седьмой архонт молча отобрал у меня сейр и произнес:

— Здравствуйте, мама.

А потом с обидой:

— Вы оставили дома кольцо, на которое я потратил всю свою первую зарплату!

Мама сделала очень виноватый вид, какой у нее был всегда, когда ей не было ни капельки стыдно. Я это точно знала, и Эрих это знал.

— Как не стыдно, — укорила я мать.

— Сама сказала оставить все украшения, чтобы нас не нашли, — невозмутимо парировала она.

Эрих снова отобрал у меня сейр и хмуро спросил:

— Ты вернешься?

Нмного подумав, мама отрицательно покачала головой.

— А к рождению внуков? — упорствовал архонт.

— Эрих, — Ганниар улыбнулась, — послушай меня — если ты хочешь быть счастлив, забудь про традиции Тарейма. Они не принесли счастья твоему деду, они стали причиной гибели твоего отца, да и сам ты едва выжил. Ты нашел свое счастье, будь с ней рядом. И позволь ей быть рядом с тобой — Мелани удивительная. И да — любит тебя, гада.

И мама отключилась. Эрих молча бросил сейр на стол, повернулся ко мне. Вид у него был несчастный.

— И что, правда кольцо на первую зарплату купил? — удивилась я.

— Правда, — архонт невесело кивнул. — У меня было две матери, но гарре-эн я всегда покупал что-то недорогое, так, в качестве внимания, а мать старался порадовать. Жаль, она никогда не ценила...

Пожав плечами, я заметила:

— Тяжело ценить подарки, когда вынуждена все свои расходы согласовывать со второй женой. Я бы на месте твоей матери вообще озлобилась, а она ничего, молодец. И не смотря на возраст такое ощущение, что форы и молодым даст. Наверное, потому что, наконец, чувствует себя свободной.

Эрих несколько секунд пристально смотрел на меня, потом хрипло произнес:

— Я скучал.

Медленно подошла, расстегнула верхнюю пуговицу своего пиджака и прошептала:

— Я тоже.

Случившееся дальше описать сложно. Наверное, мы оба дорвались. Дорвались настолько, что через пол часа оба лежали на постели тяжело дыша и растерянно оглядывая творящийся бедлам.

— А балдахин мы когда порвать успели? — удивленно спросила я.

Седьмой архонт задумался, после вдруг заулыбался, повернулся ко мне и спросил:

— Показать?

Вспомнила... покраснела. И прошептала:

— Да...

К вечеру погиб стол, стулья, кровать, шкаф... хотя, что мы там делали, я никак вспомнить не могу. Через месяц я подала рапорт об увольнении и повторно, уже по законам галактического содружества вышла замуж. Спустя еще месяц стала официально управляющей делами архонта Дагрея, являясь по совместительству его и первой и второй женой. Меня все устраивало, на традиции мы с Эрихом забили.

К слову седьмой архонт является правителем, в ведомстве которого все военные дела Тайрема, так что мы почти постоянно в разъездах. В итоге мой первый сын родился в свободном космосе, второй на берегах Элинвера.

И теперь мы гоняем двое-на-двое, хотя дети больше любят устраивать дуэли на погрузчиках, играя в то «как папа влюбился в маму». А мы Эрихом всегда смотрим на это и улыбаемся.

Конец.